

Горький ветер свободы

Автор:

Ольга Куно

Горький ветер свободы

Ольга Александровна Куно

Жизнь Сандры в одночасье изменилась, когда молодую девушку увезли из ее родного города, чтобы продать на невольничьем рынке. Она не может убежать и не хочет терпеть насилие, поэтому принимает единственно верное, на ее взгляд, решение – разозлить работорговца и вынудить его убить ее. Вот только планам Сандры не суждено было сбыться. На девушку нашелся покупатель. Странный мужчина, иностранец, которому рабыня, на первый взгляд, и вовсе не нужна... Но зачем он купил Сандру?.. Что же ей теперь делать, когда незнакомец лишил ее последнего права свободного человека – права на смерть? Снова попытаться умереть? Убежать? А может быть... полюбить его?..

Ольга Куно

Горький ветер свободы

Пролог

Фамильная библиотека рода Эльванди была обширной и при этом весьма неоднородной. Проявлялось последнее как в содержании хранившихся здесь книг, так и в их оформлении, а равно и в способе хранения. Так, художественная литература сочеталась здесь с научной, хотя научная бесспорно преобладала. История магии, география, алхимия, искусство ведения военных действий, энциклопедия лошадей... и весьма незначительное количество модных на

сегодняшний день любовно-приключенческих историй и сборников баллад. Здесь можно было найти как последние книжные новинки, напечатанные в современных арканзийских типографиях, так и не столь высокотехнологичные образцы, написанные каллиграфическим почерком галлиндийских монахинь. Иные же книги и вовсе больше напоминали тетради, исписанные почерком, весьма далеким от каллиграфического, зато существовавшие в единственном экземпляре и содержавшие порой чрезвычайно ценную информацию. Наконец, одни тома хранились в высоких книжных шкафах с искусной резьбой и прозрачными стеклянными дверцами, в то время как другие стопками пылились на простых деревянных полках.

В этом же помещении хранились и документы – те, которые не являлись особо секретными. Библиотека выполняла заодно и функцию архива.

Я сидела за массивным письменным столом, склонившись над очередной рукописью, и периодически делала заметки на полях, не без труда продираясь сквозь витиеватости иностранного текста. Особенность иртонского языка заключалась в том, что все слова писались слитно, без пробелов, и определить, где заканчивалось одно слово и начиналось следующее, можно было лишь по особенности написания букв. Дело в том, что все буквы в данном языке имели два варианта написания, один из которых предназначался как раз для обозначения конца слова. Поговаривают, что такая замысловатость была введена в алфавит специально, чтобы усложнить задачу чужакам вроде меня, вздумавшим посягнуть на национальное культурное достояние иртонцев. Я, однако же, не сдавалась и, несмотря на все трудности, в силу упорства и полученного в свое время образования справлялась вполне неплохо.

Дверь я оставила приоткрытой: посещать библиотеку в общем-то никому не возбранялось. Гости, секретари, распорядители, воины гарнизона, кастелян и прочие обитатели армона, включая даже слуг низшего ранга, имели полное право взять себе для чтения книгу на выбор. С моего, разумеется, ведома. Хотя не могу сказать, чтобы такое происходило часто, несмотря на то что грамотность являлась в Галлиндии делом нередким. Тем большим было мое удивление, когда в библиотеку не вошла, а буквально влетела девушка, работавшая в армоне цветочницей, то есть ежедневно декорировавшая жилые комнаты и роскошные арочные коридоры букетами, венками и прочими украшениями из садовых цветов.

Агнесса – а именно так звали девушку – никогда не отличалась особой любовью к чтению. Вообще не припомню, чтобы она хоть раз приходила сюда за книгой. Но больше, чем само ее появление, меня удивляло то, что случилось это именно сегодня – в день, когда цветочница выходила замуж за молодого плотника Марко. И в библиотеку она вбежала в пышном белоснежном наряде невесты, с распущенными волосами, по традиции украшенными светлыми лентами разных оттенков.

Я моментально позабыла о рукописи и отложила в сторону карандаш.

– Агнесса, что-то случилось? – встревоженно спросила я.

– Да! – последовал ответ. От быстрого бега у девушки сбилось дыхание. – Госпожа архивариус, мне срочно нужна книга!

– Книга? – удивилась я. Как я уже упоминала, книги и в обычное-то время не вызывали в цветочнице особого интереса, а уж сейчас? – Агнесса, у тебя же свадьба на носу! Ну, заходи ко мне дня через два, подберем тебе что-нибудь по вкусу.

– Я не могу дня через два! – Цветочница так отчаянно замотала головой, что от мельтешения бледно-розовых, желтых и голубых лент у меня зарябило в глазах. – Мне сейчас надо! Срочно!

– Как это сейчас? – совсем растерялась я. – Агнесса, но у тебя же свадьба... – я бросила взгляд на часы, – ...через СОРОК МИНУТ?!

– Так мне же именно для свадьбы книга и нужна! – воскликнула Агнесса. – Для брачной ночи.

– Для брачной ночи? – медленно, с расстановкой повторила я. Уж не знаю: то ли у меня со слухом проблемы, то ли с головой, то ли не у меня... То ли день сегодня просто не задался.

– Именно! – поспешно подтвердила цветочница. – Без книги я просто никак.

Мне сразу же представилась спальня, специально подготовленная для новобрачных. Романтические свечи, ваза с фруктами, красивое постельное белье, обнаженный жених на кровати... и невеста в белом пеньюаре, жадно перелистывающая страницы романа.

– Агнесса, – я постаралась говорить медленно и успокаивающе, – я совершенно уверена, что в первую брачную ночь вы с Марко найдете, чем заняться, и без чтения.

– Если я не получу нужную книгу, то не найдем, – расстроено покачала головой девушка.

– Э... скажи-ка, – луч понимания начал озарять мой мозг, но как-то очень медленно, – а какая книга тебя так интересует?

Цветочница покраснела, опустила глаза в пол, но тут же решительно подняла взгляд.

– Ну как, какая? – понизив голос, проговорила она. – Про это самое. Про брачную ночь.

Я сглотнула.

– Понимаете, – продолжила объяснять девушка, – я ведь девственница. – Она произнесла эти слова с виноватым видом, словно в невинности невесты было нечто предосудительное. – И совсем-совсем ничего про это не знаю. То есть просто не знаю, с какой стороны подойти к вопросу.

– Ну, с какой стороны подойти, я думаю, ты разберешься, – постаралась поддержать ее я. – Полагаю, вопрос будет стоять... достаточно остро. Да и потом, Агнесса, я уверена, что твой жених отлично во всем разберется и научит тебя.

– То есть вы хотите сказать, – брови цветочницы гневно сдвинулись, – что у Марко уже были женщины?!

Хм. Осечка. Мне следовало более тщательно выбирать выражения.

– Нет, – осторожно возразила я, – я не хочу этого сказать. Я почти совсем не знаю Марко, поэтому мне ничего не известно об этой стороне его жизни. Вполне вероятно, что он девственник. Я просто имела в виду, что природа поможет. Подскажет вам, как быть.

– А если не поможет?

Агнесса выглядела весьма скептически: похоже, ждать милостей от природы было не в ее характере.

– Вы понимаете, госпожа архивариус...

– Просто Сандра, – перебила я ее.

– Сандра, – согласилась Агнесса. – Дело в том, что даже если Марко все уже знает, ну не могу же я проявить себя совсем невежей!

Я вздохнула и задумчиво уставилась в стол. Соответствующие книги в библиотеке, конечно, могли и быть, но я понятия не имела, где и что именно искать: как-никак моя специализация совершенно иного рода...

– Послушай, Агнесса, – нахмурилась я, – я, конечно, все понимаю, но почему же ты пришла сюда именно сейчас? Ну почему было не заглянуть в библиотеку за неделю или хотя бы денька за два до венчания?

– Да потому, – зашептала Агнесса, полная уверенности в собственной правоте, но не желающая, чтобы ее ненароком услышали посторонние, – что я рассчитывала на предсвадебный курс. Я была абсолютно уверена, что там все подробно и доходчиво объяснят!

Я понимающе вздохнула, после чего покачала головой. Предсвадебный курс – да, именно так это называлось. Беседа или, можно сказать, лекция, которую жрица и жрец проводили в день свадьбы с невестой и женихом соответственно. Лично я, поскольку замуж ни разу не выходила, понятия не имела о том, что же именно рассказывали во время этих бесед. Но, видимо, совсем не то, на что рассчитывала Агнесса. А рассчитывала, кстати сказать, вполне справедливо. Уж если религия велит блюсти целомудрие до свадьбы, могли бы хоть в таком

случае обеспечить людей минимальными знаниями!

- И что же, совсем ничего не объяснили? - сочувственно поинтересовалась я.

- Ничего стоящего, - мрачно сообщила Агнесса. - Мужа во всем надо слушаться, ни в чем ему не перечить, обеспечивать все условия для работы и отдыха, уважать и штопать носки...

- Уважать и штопать носки, - размеренно повторила я. - Даже не знаю, что важнее. А насчет брачной ночи что же - совсем ничего не сказали?

- Ну, не так чтобы совсем ничего, - призналась Агнесса, но почему-то закатила глаза. - Правда, не именно про брачную ночь, а... ну, вообще.

- Ну так тем лучше! - обрадовалась я. - И что же сказала жрица?

- Что заниматься этим надо ни в коем случае не для удовольствия, а исключительно для продолжения рода, - бесцветным тоном, словно зазубренный текст, произнесла Агнесса. - И не слишком часто. Лучше всего - по понедельникам и четвергам.

- А почему именно по понедельникам и четвергам? - искренне заинтересовалась я. - Чем, например, пятницы хуже?

- Не знаю, - пожала плечами цветочница, - вроде бы как именно по этим дням самые высокие шансы зачать ребенка.

- Постой-ка, но сегодня же вторник! - сообразила я. - И что же вам теперь делать?

Агнесса лишь многозначительно развела руками.

Я напряженно задумалась. Нет, у меня самой, конечно, было несколько больше опыта в обсуждаемом вопросе, чем у цветочницы, но просвещать ее на этот счет самолично было как-то неловко.

– Ладно, попробую поискать какие-нибудь книжки, хотя ничего не обещаю, – сдалась я. – Понимаешь, я ведь специалист по истории магии, а это совершенно иная сфера.

Бросив очередной напряженный взгляд на часы, я принялась рыться в стопках книг, затем обошла несколько книжных шкафов, открыла один из них и принялась водить пальцем по корешкам. Агнесса следила за моими действиями, нервно комкая в руках белый платочек.

– Вот! – Я вынырнула из-за дверцы с увесистым томом в руке. И громко зачитала название: – «Путеводитель по семейной жизни для женщин».

– Давайте сюда скорее! – возбужденно воскликнула Агнесса.

Я не стала медлить, освободила место на столе и, водрузив на него тяжелую книгу, принялась просматривать названия глав. В скором времени нужная часть нашлась: «Руководство по поведению в первую брачную ночь».

Мы с Агнессой склонились над книгой. Я принялась зачитывать вслух:

– «В первую брачную ночь молодой жене надлежит, сняв с себя одежду и аккуратно повесив ее на спинку стула...» Заметь: аккуратно! – вытянула указательный палец я. – «...лечь на брачное ложе». И обрати внимание: про день недели ни слова! – снова прокомментировала я. – Так, что там дальше... – Мой палец вернулся к нужной строке. – «Лечь следует на спину и обязательно укрыться одеялом».

– Укрыться? В брачную ночь? – с некоторым сомнением спросила Агнесса, видимо, все-таки отдаленно предполагавшая, чем именно в эту самую ночь предстоит заниматься.

– Здесь так написано, – пожала плечами я. – Может быть, это для того, чтобы не замерзнуть раньше времени? Хотя книга арканзийская, там климат даже жарче, чем у нас... Ладно, давай читать дальше – может быть, станет понятнее. Итак... «Далее новобрачная должна расслабиться, закрыть глаза, прочитать молитву, а затем позволить своему мужу делать с ней все, что он пожелает».

Я подняла на Агнессу осоловелый взгляд. Инструкция, прямо сказать, восхищала как уважением к молодой жене, так и обилием деталей.

– И что, это все?! – с возмущением спросила цветочница.

Не совсем, – ответила я, снова заглянув в книгу. – Здесь есть еще один параграф. «Жена ни в коем случае не должна отказывать своему мужу в чем бы то ни было. Строжайше запрещается громко стонать и тем более кричать, ибо это может негативно воздействовать на психику мужа, а также привлечь внимание соседей. В случае если жена не будет следовать данному пункту инструкции, муж вправе зажать ей рот рукой».

Я с шумом захлопнула книгу.

– Это все или там еще что-то было? – подозрительно спросила красная как рак невеста.

– Кажется, было что-то еще, но это неважно, – злобно заявила я, отшвыривая книгу на пол.

Никогда в жизни так не поступала с книгами, испытывая перед ними почти священный трепет, а вот сейчас не смогла отказать себе в удовольствии.

– Эти арканзийцы совсем лишились ума, – по-прежнему зло процедила я. – Если, конечно, он у них вообще когда-нибудь был. – Тут я навряд ли была справедлива, но у меня имелись собственные причины не любить арканзийцев. – И любопытно: какого года эта книга? Очень надеюсь, что она была написана пару веков назад. Все-таки она рукописная, а в последнее время они печатают книги в типографиях... В любом случае, – я, обернувшись, посмотрела на валяющийся на полу том, открывшийся на произвольной странице, – в печку ее! В общем так, Агнесса, очень тебя прошу: забудь все, что мы с тобой только что прочитали.

– А курс? – уточнила девушка.

– Курс тоже забудь, – твердо заявила я.

– Но что же мне делать?!

Агнесса в общем-то не возражала против того, чтобы забыть все рассказанное и прочитанное до сих пор. Девушкой она была для этого достаточно адекватной. Но вот отсутствие достойной альтернативы приводило ее в отчаяние, а часы продолжали безжалостно тикать.

– Я же даже целоваться не умею! – выпалила она. – Вот скажет жрец: «Жених, можете поцеловать невесту» – и что я тогда буду делать???

Сандра, дорогая, привет! – Ренцо вошел в библиотеку с романтическим букетом внаглую сорванных в саду тюльпанов. – А я как раз проходил мимо и подумал... О, Агнесса! – воскликнул он, только теперь заметив девушку. – Прими мои поздравления! Ты прекрасно выглядишь! Только знаешь, если откровенно... – он наклонился поближе к Агнессе и, понизив голос, произнес: – По-моему, ты слегка переборщила с румянами.

– Это ее естественный цвет лица, – печально отмахнулась я.

Тема нашей с Агнессой дискуссии и правда подействовала на девушку куда лучше свекольного сока.

– Да? – удивился Ренцо. – Не замечал.

Но цветочница не позволила ему развить эту мысль.

– Дон Ренцо! – с жаром воскликнула она. – А ведь вы можете мне помочь!

При этом она жадно вцепилась кастеляну в рукав, чем привела последнего в недоумение.

– С радостью, а чем именно? – осведомился он, бросая в мою сторону удивленный взгляд.

– Понимаете, у меня через двадцать пять минут венчание. – начала было объяснять Агнесса. Но, поняв, что в случае подробного рассказа оставшиеся двадцать пять минут рискуют превратиться в двадцать, набралась смелости и просто выпалила: – Научите меня целоваться!

Ренцо слегка опешил, хотя парнем был в принципе не робкого десятка.

– Целоваться? – повторил он. – Агнесса, милая, я вообще-то с радостью, но... как к этому отнесется твой жених?

При этом Ренцо покосился на меня, поскольку в действительности моя реакция на такие уроки тревожила его куда сильнее.

– Да что вы, дон Ренцо! – вскинула руки Агнесса. – Как вы могли такое обо мне подумать? Я же приличная девушка и вот-вот выйду замуж! Я имела в виду совсем другое.

– И что же?

Ренцо казался совершенно сбитым с толку.

– Давайте вы будете целоваться с доньей Сандрой, а я внимательно посмотрю, как это делается, – объяснила цветочница.

Мы с Ренцо переглянулись.

– Ну... в принципе... – с сомнением протянула я. – В общем-то, почему бы и нет? Мы ведь можем пойти невесте навстречу – правда, Ренцо?

Затея, конечно, была, мягко говоря, странная, но меня утешало то, что Агнесса попросила продемонстрировать ей всего лишь поцелуй. А ведь могла бы попросить и что-нибудь другое. А заниматься этим другим на показ пахивало бы патологией. Не говоря уже о том, что наши с Ренцо отношения пока до этой стадии не доходили.

– Можем, – подтвердил Ренцо, после чего, нисколько не стесняясь, привлек меня к себе.

Агнесса наблюдала за нами чрезвычайно внимательно, подходила то справа, то слева, настолько близко, что я даже чувствовала тепло ее дыхания на своей коже.

– Скажите, дон Ренцо, а... руку обязательно держать вот здесь? – уточнила она у кастеляна, обнимавшего меня в данный момент за талию.

– Необязательно, – ответил Ренцо, прервав для этой цели поцелуй. – Можно опустить ее ниже. Изобразить?

– Не надо, не надо, – пошла на попятную цветочница. – Я все поняла. Пожалуй, что лучше так.

Чуть позже цветочница отдалилась, и я понадеялась, что на этом показательное выступление можно считать оконченным. Но нет, она сразу же вернулась, прихватив со стола чистый лист бумаги и карандаш, и принялась делать зарисовки. Опять же то с правой стороны, то с левой.

– Ну как, теперь ты удовлетворена? – спросила я, когда и эта стадия обучения подошла наконец к финалу.

И тут же прикусила язык, почувствовав, что спросила, кажется, что-то не то.

Не совсем, – закономерно призналась Агнесса. – Нет, вы не поймите меня неправильно, я вам очень признательна, но... Как-то все-таки не хватает практики. В теории вроде бы понятно, а вот как действовать на самом деле, все равно немного не ясно.

Мы с Ренцо снова переглянулись. Лично я уже была готова предоставить ему возможность поцеловаться с Агнессой, дабы окончательно успокоить девушку, но как же быть, если цветочница сама, в силу собственного целомудрия, не готова к такому ходу?!

– Послушайте, а у меня появилась идея! – внезапно воскликнула я. – Ренцо, ты не мог бы сбегать к целителям?

– К целителям? – нахмурился Ренцо. – Зачем?

Видать, заподозрил, что я надумала попросить у них для Агнессы что-нибудь успокоительное.

– У них есть специальные куклы, – поспешила развеять это заблуждение я. – Для обучения новичков. Они выглядят похожими на людей, в человеческий рост, и, по-моему, у них даже рот открывается, чтобы можно было отрабатывать искусственное дыхание. Попроси у них одну такую куклу, скажи, что нам надо совсем ненадолго!

Ренцо вернулся быстро, благо лаборатория целителей находилась недалеко. Он действительно приволок в библиотеку большую куклу, судя по лицу – мужского пола, хотя более характерные половые признаки у нее отсутствовали. Мне сразу подумалось, что отрепетировать с ней брачную ночь точно не получится. Но вот рот у куклы действительно был приоткрыт, так что на минимальную работу над поцелуем можно было рассчитывать.

– Ну что ж, Агнесса, дерзай! – предложила я, взглядом многозначительно указывая на часы.

Цветочница и сама понимала, что времени в обрез, и потому жеманиться не стала. Быстро примерилась и принялась целовать куклу в губы. Сначала очень осторожно, будто имела дело с заколдованной лягушкой, потом более уверенно.

– Ну как? – с интересом, я бы даже сказала – взволнованно, спросил Ренцо.

– Вроде бы получается, – прервавшись, радостно сообщила Агнесса.

– А он отвечает на поцелуй? – поинтересовался Ренцо. – Ну а что? – стал оправдываться он, заметив мой неодобрительный взгляд. – Кто их, врачей, знает: мало ли как они изготавливают своих кукол.

– Без малейшей магии, уж можешь мне поверить как специалисту, – откликнулась я.

– Ладно, – удовлетворенно заявила цветочница. – Кажется, теперь я чувствую себя более подготовленной.

Она подхватила куклу и, придерживая ее другой рукой за голову, собралась отнести к стене, чтобы не оставлять посреди комнаты.

- Ой! - взвизгнула вдруг девушка. - Кажется, он укусил меня за палец.

- Я же говорил! - Глаза Ренцо мгновенно загорелись интересом.

- Не больно? - озабоченно спросила я.

- Почти нет, у него же нет зубов, - как-то растерянно ответила Агнесса. - Просто рот закрылся. Но дело в том, что... я не могу теперь вынуть палец: губы не разжимаются.

- То есть как? - недоуменно нахмурилась я.

- Ну-ка дай-ка, - по-мужски вмешался Ренцо, подошел и попытался разжать кукле губы. Спустя секунд пятнадцать он в недоумении развел руками. - Действительно не разжимаются, - признал он. - Будто вцепился мертвой хваткой.

- И что же теперь делать? - задала самый животрепещущий вопрос Агнесса.

Часы, совершенно равнодушные к человеческим проблемам, показывали, что до церемонии бракосочетания осталось десять минут. Маятник продолжал неумолимо раскачиваться.

Не до конца убежденная неудачей Агнессы и Ренцо, я подошла к девушке и попыталась избавить ее от домогательств куклы сама. Увы, меня ждало все то же разочарование. Искусственный кавалер не желал расставаться со своей законной добычей.

- Ну... Может быть, раз такое дело, придется пойти прямо так? - неуверенно предложила я. - Время-то идет.

Что-то заставляло меня сомневаться в согласии жреца отложить венчание под тем предлогом, что невесту укусила за палец кукла мужского полу...

Ренцо громко прокашлялся, по-видимому, представив себе эту картину: невеста идет к алтарю, волоча за собой искусственного мужчину.

– Боюсь, гости решат, что одного мужа тебе мало, – сообщил Агнессе он. – А главное, жрец может запутаться, кому из мужчин задавать вопросы.

– Ренцо, это не смешно! – шикнула на кастеляна я, хотя и сама никак не могла определиться: тревожиться за цветочницу или рассмеяться от нелепости ситуации.

– Я, может, и пошла бы на свадьбу вместе с ним, – Агнесса с ненавистью взглянула на куклу, – но он укусил меня за тот самый палец!

– Какой «тот самый»?

– Безымянный! На левой руке! Тот, на который надевают кольцо!

Мы с Ренцо погрустнели. Да, бедствие принимало все более серьезные масштабы. Без возможности надеть обручальное кольцо невесте на палец свадьба точно не состоится.

Послушай, Агнесса, а зачем тебе вообще выходить замуж? – спросил вдруг неунывающий Ренцо. – Смотри, какой мужчина! Правда, в постели с ним делать особо нечего, – он многозначительно взглянул на паховую область куклы, увы, лишенную каких бы то ни было достоинств. – Зато целоваться, как мы уже выяснили, он умеет, целеустремленности ему тоже явно не занимать, готовить для него не надо, и он никогда не скажет тебе грубого слова. К тому же готов поспорить, что по ночам он не храпит! А если потребует, думаю, его вполне можно будет приспособить в качестве мышеловки.

Цветочница покосилась на кастеляна, как мне показалось, не столько рассерженно, сколько задумчиво.

– Нет, я Марко выбираю, – все-таки постановила она. – Я с ним уже давно знакома. А этого парня уже ненавижу. Ах ты, гадина! – воскликнула она, для пущей убедительности стукнув куклу ногой по вышеупомянутой паховой области.

Что удивительно, в этот момент челюсти куклы разомкнулись, и Агнесса изумленно извлекла на свет покрасневший, но в остальном вполне невредимый

палец. То ли нежная кукольная психика не выдержала ругани, то ли удар по весьма специфическому месту, невзирая на отсутствие половых признаков, оказался чувствительным даже для искусственного мужчины. А скорее всего, подействовал метод, который, как я не раз замечала, срабатывает на ура с самыми высокотехнологичными приспособлениями. Заключается этот метод в том, чтобы как следует (и совершенно не технологично) по этому приспособлению стукнуть.

Какое-то время Агнесса с молчаливым изумлением взирала на столь неожиданно высвободившийся перст, затем обхватила его пальцами второй руки, словно боялась, что по дороге к алтарю с ним может еще что-нибудь приключиться, после чего, наспех поблагодарив нас с Ренцо, стремительно выбежала из библиотеки. Судя по часам, до начала бракосочетания оставалось две минуты. Учитывая, что церемониальный зал находился на том же этаже, что и библиотека (здесь располагалась основная часть нежилых помещений), а также тот факт, что невесте вообще дозволительно немного опоздать, никаких проблем в этом отношении не ожидалось.

Мы с Ренцо решили, уж коли так сложилось, тоже поприсутствовать на церемонии. Только направились туда более неспешно и степенно, как того требовало наше положение. Как-никак Ренцо являлся кастеляном, а это, по сути, второй человек в армоне. Мой статус – статус архивариуса – тоже был далеко не последним и весьма уважаемым. Несмотря на то, что я являлась рабыней, о чем красноречиво свидетельствовало магическое изображение красного дракона на тыльной стороне моей левой ладони. Изображение, которое невозможно было ни смыть, ни закрасить, ни свести при помощи магии.

Часть первая

Глава 1

За несколько месяцев до этого...

На невольничьем рынке в Остане, как и всегда по четвергам, было не протолкнуться. Поскольку этот мало чем примечательный в остальном городок находился на морском побережье, именно сюда корабли работорговцев привозили похищенных в далеких странах рабов, и именно здесь пираты, как правило, заключали сделки с покупателями.

Происходило это на главной городской площади, которая, впрочем, выглядела значительно менее внушительно, чем в иных населенных пунктах. Здесь было грязно, шумно и до неприличия многолюдно, а также пахло гниющей рыбой (сказывалась близость порта) и нечистотами, которые по местным обычаям было принято выливать из окон прямо на улицу. При этом площадь, невзирая на свою функцию, была не слишком широкой, а имела скорее вытянутую форму. Даже дома здесь жались друг к другу, отвергая такое чуждое здешним местам понятие как личное пространство.

Хотя территория Арканзийского государства и была огромна, она по большей части состояла из пустынных земель, совершенно непригодных для жизни в силу фактического отсутствия источников воды. Напиться здесь можно было лишь из редких колодцев, местонахождение которых было известно разве что немногочисленным племенам кочевников. С учетом же невыносимой жары под палящим солнцем и промозглого ночного ветра, а также ядовитых змей, прекрасно маскирующихся в желтых песках, пустыня становилась не более чем бесполезным числовым показателем, составлявшим большую долю площади Арканзии, – однако же с гордостью вписываемым во все документы. Реально же здесь существовало не так уж много городов, располагавшихся по берегам редких речушек. Все эти города были густо заселены, если не сказать – основательно перенаселены. Рожать детей в Арканзии было принято много, не слишком задумываясь о том, как их впоследствии содержать. Перенаселение в сочетании с погодными условиями способствовало нищете, легко распространяющимся эпидемиям и окутывающему улицы смраду, давно уже превратившемуся в норму жизни для местных жителей. Постоянная нехватка места приводила к тому, что улочки бывали порой невероятно узкими – такими, что зачастую полные местные дамы передвигались по ним бочком. Дома же все чаще превращались из традиционно низких в трех и даже четырехэтажные. Когда повзрослевший сын женился и обзаводился собственной семьей, найти место для нового жилища было непросто, и с некоторых пор в таких случаях к родительскому дому стали пристраивать новый этаж.

Разительный контраст с этой не слишком привлекательной картиной представляли армоны и дворцы неслыханных размеров, каждый из которых являлся торжеством красоты, чистоты и роскоши. Истинные произведения архитектурного искусства с многочисленными башнями, длинными аркадами и балконами, выходящими на морской берег или на цветущие сады с фонтанами. Имелись здесь также бани и бассейны, содержание которых становилось возможным благодаря системе водопровода – специально прорытым тоннелям, по которым вода доставлялась из местных речек напрямиком во дворец.

Казалось бы, при таком вопиющем неравенстве богачам следовало бояться мятежей. Но, во-первых, стража бдела, а во-вторых, народ, для которого рабство являлось нормой жизни, принимал как должное и резкие контрасты в социальной иерархии. На то и эмиры, чтобы жить по-королевски.

И вот сейчас все сошлись к центру площади, чтобы поглазеть на «улов», доставленный из далеких северных земель командой «Зеленой русалки», знаменитого судна работорговцев. Богачи, желавшие приобрести живой товар, бедняки, случайно проходившие мимо, жильцы домов, окна которых выходили на площадь, – все приготовились наблюдать за очередным зрелищем. Отнюдь не из ряда вон выходящим, но все равно любопытным. Девушек пираты с «Зеленой русалки» всегда отбирали что надо.

Их было семь – молодых женщин в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, которых загнали на каменное возвышение. Лесов в Арканзии росло мало, и древесина ценилась дорого, а вот камня было в избытке. Теперь девушки, измотанные, испуганные и окончательно дезориентированные, жались друг к другу в самом углу помоста. Молодой мужчина с обветренным лицом и модными среди моряков короткими волосами – боцман «Зеленой русалки» – прохаживался по возвышению взад и вперед, подобно дрессировщику, зорко следящему за поведением вверенных ему животных.

Некоторые из зевак качали головами. Не из жалости. Просто вид у девушек был, мягко говоря, не самый лучший. Не товарный. Грязные, нечесанные, в перепачканной, местами порванной одежде, некоторые босоногие, смотрелись они, прямо скажем, не лучшим образом. Конечно, работорговцы могли бы немного постараться, чтобы показать товар лицом. Однако специфика их работы заключалась именно в том, чтобы распродать рабов как можно быстрее, нередко – с уценкой, и снова как можно скорее отчалить за новой партией товара. Поэтому зачастую их покупателями оказывались работорговцы классом повыше,

предпочитавшие не заниматься разбоем, а просто привести рабов в надлежащий вид и уж потом перепродать их по другой цене, куда более высокой.

Я тоже была сейчас среди этих девушек, стоявших на возвышении, словно какие-то заморские диковинки, и не видевших вокруг ничего, кроме жадных до зрелищ глаз. Первую из нас, Аррету, боцман вызвал вперед. Она не хотела идти, но не решилась противиться его повторному, полному раздражения и угрозы жесту. Шагнула вперед, а затем медленно пошла вдоль края каменной площадки, туда, а затем обратно, как обучал нас всех Черный Пират. Именно так мы называли на своем языке боцмана.

Зрители внимательно наблюдали за перемещениями Арреты, разглядывали ее так, будто она была не человеком, а в лучшем случае лошадью, и параллельно слушали комментарии боцмана. Говорил он по-арканзийски, поэтому сама Аррета не могла его понять – в отличие от меня, ибо я в свое время успела освоить этот язык.

– Взгляните, какая ценная рабыня! – разглагольствовал пират. – Ей двадцать шесть лет, она хороша собой, как видите, блондинка. – Зрители довольно закивали: блондинки здесь, в южных землях, являлись большой редкостью. Потенциальные покупатели продвинулись вперед, грубо оттеснив обычных зевак. – Она абсолютно здорова, не страдает никакими хворями. Способна выполнять физическую работу. Кроме того, хорошо умеет шить и вышивать. На протяжении семи лет занималась этим в своем родном городе. Прежние клиенты были очень ею довольны.

«Хорошо, что Аррета ничего не понимает», – думала я, с жалостью глядя на несчастную, запуганную девушку, послушно семенящую по возвышению. Вся эта речь была бы унижительной, даже если бы разговор шел о продаже животного.

– Хорошо шьет, говоришь? – вступил в диалог полный мужчина лет сорока, подобравшийся совсем близко к помосту. – И халат может сшить? И рубашку? И женское платье?

– Конечно же может, мой господин, даже не сомневайтесь! – рассыпался в заверениях боцман, хоть и не мог знать ответа наверняка: ведь он даже не удосужился проконсультироваться на этот счет с самой портнихой.

Впрочем, учитывая талант и опыт Арреты, полагаю, пират был не так уж неправ.

Немного подучившись, она без особого труда освоит специфику кроя здешней одежды.

– В таком случае беру ее, – постановил покупатель. – Я расширю свою мастерскую, и мне как раз нужна новая портниха со свежим взглядом.

– Цена стандартная – тридцать динаров, – объявил боцман.

– По рукам.

Вот так и заключили сделку, решив тем самым судьбу Арреты. Что ж, можно сказать, это был далеко не самый плохой вариант. Во всяком случае, мужчина явно покупал ее не для плотских утех – ей предстояло вернуться к своему любимому занятию, к тому, что она делать умела и делала хорошо.

В последние дни пути это стало основной темой разговоров. Страдания по безвозвратно утраченному прошлому отошли на второй план. Теперь девушек в первую очередь волновало: что же будет дальше? Хуже станет или лучше, чем сейчас? В какие руки они попадут? От кого станет зависеть их судьба? Станут ли они беззащитными наложницами похотливых эмиров? Или хотя бы горничными или поварихами в приличных домах? Попадут ли в армон или в бордель?

К тому моменту я уже практически не принимала участия в этих обсуждениях. Меня, как, несомненно, и многих других, не устраивал ни один из обсуждаемых вариантов, пусть даже и самый что ни на есть «удачный».

Я хорошо помнила, с чего все началось. Помнила, как весь находившийся на городской окраине район, в котором я жила, в одночасье оказался выжжен дотла – ни домов, ни вишневых садов, ни фонарных столбов, ни клумб с благоухающими розовыми кустами. Помнила, как обвалились догорающие доски моста, гостеприимной дугой переводившего нас через реку к центральной части города. Помнила много трупов, лежавших в неестественных позах на мостовых. В том числе и тела хорошо знакомых мне людей. И помнила, как девушек, в том числе меня и некоторых моих соседок, согнали к отдаленной и неприметной бухте. Там нас поджидал корабль с черными парусами.

Потом было долгое, утомительное и во всех отношениях премерзкое путешествие по морю. Нас большей частью держали в трюме, где было тесно, душно и дурно пахло. С этого момента мы превратились из людей в вещи, и это транслировалось нам весьма доходчиво. Нет, на нашу честь никто не покушался. Товар нельзя портить – это первое правило работорговца. Если и били за ослушание, то так, чтобы не оставалось синяков. Зато могли ограничить в еде или на время лишитъ питья – страдание, когда кругом можно видеть неограниченное количество соленой морской воды, практически нестерпимое. Многим из нас первое время было невыносимо плохо и без всяких наказаний, просто от непривычной морской качки. Настолько плохо, что даже о душевных страданиях, связанных с нынешним незавидным положением, мы забывали начисто. На второй день большинству стало гораздо легче, но некоторые промучились и два дня, и три. Изредка нам разрешалось подниматься на палубу, чтобы вдохнуть свежего морского воздуха. Все это время за нами, конечно же, неусыпно следили.

Помнила я и то, как у одной из нас, худенькой светловолосой девушки Рекки, обнаружилась глубокая рана на ноге, полученная в процессе похищения. Рана гноилась, и корабельный лекарь лишь пессимистично покачал головой. О да, я хорошо помнила, как обошлись с этой девушкой. Как поступают с негодным товаром? Его выбрасывают за борт.

Сейчас, стоя на каменном возвышении, я помнила все это как нельзя лучше. И не волновалась о своем будущем так, как остальные девушки. Для меня все уже было решено и не подлежало ни малейшим сомнениям. И дело тут было не только в собственной моей судьбе. Не только в том, что моя жизнь, установившаяся, размеренная и справедливая, изменилась в одночасье. Дело заключалось в том, что я просто была не готова жить в мире, в котором возможно подобное. Я отказывалась от этого мира. Совершенно осознанно, раз и навсегда. И теперь точно знала, как мне следует действовать, чтобы сорвать планы Черного Пирата.

И вот наступила моя очередь.

– Эй, ты! – крикнул боцман.

Он так и не удосужился выучить наши имена, хотя за те десять дней, что длилось путешествие, времени для этого было предостаточно. Но, право слово, не зовет же рыбак по имени пойманных карпов!

- Иди сюда, твой черед. И юбку разгладь!

Он говорил на нашем, северном, наречии, поскольку понятия не имел, что я понимаю арканзийский язык. А я не спешила восполнять этот пробел в его знаниях. И теперь, подняв голову и сделав лишь один шаг вперед, выступая из группы сбившихся в углу женщин, громко сказала все на том же северном наречии:

- Не пойду.

От внезапного отказа боцман оторопел, даже ненадолго застыл на месте и молчал, словно у него язык прирос к небу. Впрочем, от этого недуга он быстро избавился.

- Иди сюда, шалава!

Вообще-то он использовал несколько иное слово, значительно более грубое, но я, пожалуй, не стану его переводить.

Зрители не понимали произносимых нами слов, не считая употребленного боцманом ругательства, но общий смысл происходящего начал доходить до них достаточно быстро. Публика оживилась, толпа придвинулась к возвышению.

- Не пойду, - снова спокойно повторила я, и только глаза мои смотрели дерзко, с вызовом, даже с ненавистью.

- Ты немедленно сделаешь все, что я тебе скажу, - с не меньшей ненавистью объявил Черный, - иначе я прямо сейчас возьму тебя за волосы и протащу по площади.

- Попробуй!

Я специально сделала еще один шаг ему навстречу, показывая, что не боюсь и понимаю всю нелепость угрозы. Конечно, у него хватит сил, чтобы исполнить обещанное. Но что толку? Ведь таким образом он лишь продемонстрирует собственную неспособность заставить рабыню подчиниться. А значит - собственную несостоятельность.

– Иди сюда! – рявкнул он, теперь уже по-арканзийски.

И все-таки схватил меня, правда, не за волосы, а всего лишь за руку.

Я плюнула ему в лицо. Отвратительный поступок. Грязный, неэстетичный, недостойный. Но разве сейчас это имеет значение? Проведя больше недели в раскачивающейся деревянной камере, пропахнув рыбой, а потом и блевотиной, разом утратив все, что было у тебя в этой жизни, станешь ли задумываться о таких мелочах, как эстетика?

Даже не знаю, достиг ли мой плевков цели, но унижительность произошедшего было достаточно. Тем более что публика отчаянно заулюлюкала. Не думаю, что кто-нибудь из присутствующих всерьез был на моей стороне, но посмеяться над пиратом многие были не прочь. Мои недавние подружки по несчастью отступили подальше, рискуя свалиться с помоста, но всем своим видом демонстрируя, что они вовсе не со мной, что это я одна сошла с ума, они же не имеют к происходящему ни малейшего отношения.

– Ах ты тварь! – разозлившись не на шутку, боцман выхватил из-за широкого кожаного пояса длинный нож.

А я в очередной раз шагнула ему навстречу, ибо только этого и ждала.

Существуют категории людей, которые не годятся на роль рабов. Любой пират-работорговец знает это наверняка. Одни тяжело больны и оттого не способны выполнять даже самую элементарную работу. Другие сходят с ума от выпавшего на их долю несчастья. Третьих полностью парализует страх – настолько, что перекрывает даже инстинкт самосохранения. Четвертые же просто не согласны мириться с новой действительностью. Не согласны до такой степени, что предпочитают пойти на смерть. Я относилась именно к их числу.

Во всех этих, прямо скажем, достаточно редких случаях результат был один. Пираты не считали нужным возиться с негодным товаром. В любом улове попадается гнилая рыба. В любой партии товара обнаруживается брак. Рабов, проявивших свою непригодность, незамедлительно убивали. Во-первых, для того, чтобы избавиться от ненужной доле обузы. А во-вторых, для устрашения остальных. Видя, какая участь постигает непокорных, другие рабы лишний раз

подумают, прежде чем проявить характер.

– Гнусный недоношенный ублюдок, без сомнения ненавидимый даже собственной матерью, – сказала я, с легкостью выдерживая взгляд боцмана и почти улыбаясь. Преследуя разом две цели: окончательно доказать свою непригодность и довести Черного Пирата до белого каления.

Мне удалось и то и другое.

– Ах так? Сама выбрала свою судьбу!

И он занес надо мной руку с ножом. Да, выбрала, и именно сама. И ты не смог отнять у меня этого права. Потому что я не раб, а все-таки человек, пусть даже знак красного дракона навеки оплетает теперь мою ладонь.

Я не испугалась и даже ни на дюйм не отстранилась. Еще мгновение – и вожденная сталь коснется наконец моего сердца. И остановит его, остановит в тот момент, когда оно еще бьется в ритме, заложенном свободным человеком.

Но в этот самый момент с площади неожиданно раздался мужской голос:

– Стой! Я ее покупаю.

Нож застыл в руке, так и не приблизившись к моему телу. Мы с боцманом замерли, в равной степени удивленные, одновременно уставившись на покупателя, который проявил столь своеобразный вкус в выборе рабыни. Впрочем, удивление было отнюдь не единственным среди весьма противоречивых чувств, обуревавших каждого из нас. В пирате жажда наживы боролась с уязвленной гордостью и злобой, которые диктовали ему немедленно и несмотря ни на что расправиться с обнаглевшей девчонкой. Меня слова покупателя и вовсе выбили из колеи. Мгновение назад я точно знала, чего хочу, и была готова это получить. Теперь же запоздало пришли и страх, и сомнения, и ненависть к сорвавшему мои планы мужчине, и благодарность ему же за предоставленную возможность еще хотя бы недолго задержаться на этом свете. Я не могла понять саму себя и, как и боцман, продолжала стоять, тупо пялясь на неожиданно появившегося покупателя.

Он сильно выделялся на фоне окружившей помост толпы. Иностранец – это видно даже такому чужаку, как я. Одет совершенно иначе, чем местные. Они – в каких-то странных, на мой вкус, халатах светлых оттенков, застегнутых на многочисленные пуговицы. (У меня-то на родине халат – одеяние сугубо домашнее и в первую очередь женское, а здесь это явно мужская верхняя одежда. Женщины – те носят платья, хоть и совершенно иного кроя, чем у нас на севере). У этого же одежда более... нормальная, что ли. Опять же – на мой взгляд. Темные брюки, белая рубашка, расстегнутая настолько, насколько того позволяли приличия, меч в дорогих ножнах на кожаном поясе. Камзол, снятый, по-видимому, из-за жары, мужчина держал в руке.

Не местный, да. И тем не менее это и не мой соотечественник. Южанин. Это видно и по пепельно-черным волосам, немного не достигающим до плеч, и по темным глазам – отсюда цвет точно не разобрать, – и по относительно смуглой коже. Относительно – потому что она, безусловно, смугла для северянина, но вот для арканзийца, наверное, даже несколько бледновата.

Мужчина был чужеземцем, но в его поведении не чувствовалось смущения или растерянности, даже в самой малейшей степени. Наоборот, осанка – идеальная, движения – уверенные, взгляд – ледяной и высокомерный. И на меня не устремлен вообще. Только на боцмана. А тот, кажется, принял решение.

– Шестьдесят динаров, – заявил он, направив на меня нож и повернувшись к потенциальному покупателю лишь вполоборота.

– Что?!

Покупатель и бровью не повел, а вот его спутник, гневно нахмутив брови, шагнул поближе к возвышению. Видимо, соплеменник покупателя. Та же масть, вообще тип внешности похожий. Этот пошире первого в плечах, тоже темноволосый, правда, глаза светлее, кажется, зеленые – говорят, у южан это не такая уж редкость. Движения тоже уверенные, но менее сдержанные; сейчас он и не думал скрывать своего возмущения.

– Ты только что говорил, что тридцать динаров – стандартная цена! – заявил он, с легкостью запрыгивая на возвышение. – А эта рабыня явно не самая послушная. С какой же стати теперь шестьдесят?

А с такой, – ничуть не смутившись и откровенно зло ответственвал боцман, – что мне было нанесено оскорбление, и если я продам вам эту рабыню, мне придется оставить его безнаказанным. А это нанесет большой урон моей тонкой душевной организации. – Иронию, возможно, и оценили, однако не засмеялся ни один человек. – Но я готов, так и быть, пойти на сделку со своей честью, при условии, что вы заплатите мне тридцать динаров в качестве компенсации за поведение этой девчонки. Уж если она вам так приглянулась. Плюс тридцать динаров – ее собственная стоимость. Итого шестьдесят.

Я покраснела как рак, до того унизителен был этот разговор, хоть ведшие торг и не подозревали, что я понимаю их речь. Лучше бы этот ублюдок все-таки зарезал меня минуту назад...

– Компенсация? Ты в своем уме? Да это грабеж среди бела дня! – настаивал спутник покупателя. – Да если бы не мы, ты не получил бы за нее ни ролла!

– Зато получил бы моральное удовлетворение, – отрезал боцман. – И потом, здесь, в Остане, правила устанавливаем мы, арканзийцы, а не какие-то чужаки из Галлиндии.

Словно в подтверждение его слов, двое пиратов, до сих пор державшиеся в стороне, вскочили на возвышение.

Спутник покупателя недобро прищурился.

– Неужто? – вкрадчиво осведомился он, не особо испугавшись этого подкрепления. – Скажи-ка, мне только кажется или по установленным в вашей же Арканзии законам запрещено прилюдно убивать не то что женщину, но даже собаку?

Черного Пирата, не слишком уважавшего любые законы, в том числе и арканзийские, данное заявление не смутило, и этот унижительный торг мог бы продолжаться еще долго, а не исключено, что перерос бы и в драку, если бы не оклик покупателя:

– Ренцо, просто заплати ему столько, сколько он просит.

Голос прозвучал спокойно, но жестко и возражений не допускал. Спутник покупателя, не скрывая собственного недовольства, отсчитал шестьдесят динаров, вернул их в кошель, а оставшиеся монеты скинул себе в карман. После чего перебрал кошель боцману. Тот, со своей стороны, вручил мужчине конец веревки, которой было обмотано мое запястье. Будто собачий поводок или лошадиные поводья. Не знаю, в который раз за последнее время меня буквально-таки перемкнуло от чувства унижения и стыда, всепоглощающего, накрывающего с головой. Ну что ж, теперь этот брюнет вправе повести меня хоть на край света... хоть гораздо ближе – например, к себе в койку.

Конечно, можно было устроить шумную сцену. Вырваться, кричать, кататься по земле. Но что толку? Боцмана я успела узнать за время морского перехода и потому могла предсказать его реакцию. И предугадала ее совершенно правильно: все бы случилось так, как я хотела, если бы не неожиданное вмешательство покупателя. Но вот чего ждать от этого Ренцо и уж тем более от его немногословного и похожего на глыбу льда спутника, я понятия не имела. Не стоило дразнить их сейчас, играя в бессмысленные, да и противные мне самой игры. Следовало внешне смириться и немного подождать. Я все равно сумею исполнить задуманное.

Я бросила последний взгляд на собравшихся на противоположном краю возвышения девушек. Тех, с кем мы вместе провели последние, прямо скажем, не самые приятные десять дней жизни. С некоторыми из них мы были знакомы и прежде, по прошлой жизни. Сердце сжалось от чувства ностальгии. Непродолжительного. Это были завершающие ноты. Впереди – ненависть и туман.

Впрочем, следует отдать мужчине должное: тянуть меня за собой, как скотину, он не стал. Веревку из руки не выпустил, но в остальном вел себя вполне пристойно. Сказал: «Идем» – и, думая, что я не понимаю арканзийского, знаком предложил мне следовать за ним. Первым спрыгнул с возвышения и затем помог спуститься мне. От прикосновения его рук я почувствовала себя премерзко, хотелось закричать и оттолкнуть брюнета, хотя, повторяюсь, говоря объективно, ничего непристойного или похотливого в его движениях не было.

Он просто помог мне спуститься. Так или иначе, я сдержалась, разве что вдох сделала особенно резкий, но кто же это заметит?

Мой новый хозяин (меня буквально передернуло от такой мысленной формулировки, но ведь она соответствовала действительности!) убедился в том, что все прошло, как надо, после чего молча развернулся и зашагал в ведомом ему одному направлении. Впрочем, Ренцо, наверное, тоже знал, куда мы идем; я же пребывала в полнейшем неведении, и, ясное дело, просвещать меня на сей счет не собирались. Впрочем, они все еще не знали, что я понимаю их язык, а я вовсе не намеревалась снабжать их такой информацией.

– Идем, – снова повторил Ренцо (видимо, обходиться со мной совсем уж без слов было для него, в отличие от его спутника, трудновато) и указал мне направление.

Собственно, оно было предсказуемым, ибо указывал он в спину удалявшемуся с площади иностранцу.

– Как тебя зовут? – спросил по пути ведущий меня мужчина. Веревку он, к слову, продолжал держать, хотя ни разу не потянул меня силой и вообще старался вести себя аккуратно.

Я не отреагировала, продолжая поддерживать легенду о том, что арканзийский для меня – не более чем череда бессмысленных звуков.

– Я – Ренцо, – произнес мой надсмотрщик, приостанавливаясь, прикладывая руку к груди и четко выговаривая слова. – Ренцо Аглари. А это, – он указал на моего хозяина, – дон Данте Эльванди.

Последний, как ни странно, тоже приостановился и не без любопытства наблюдал за попыткой знакомства.

Я слушала, сохраняя безразличное выражение лица. Стало быть, дон. В сущности, это мало о чем говорило. И так понятно, что не пастух и не подмастерье. А в остальном право называться доном имели очень многие. Все аристократы – само собой, по праву рождения. Но не только. По сути, дон – это любой уважаемый член общества. Военный офицер – хотя эти, как правило, являлись одновременно и аристократами. Высококвалифицированный специалист. Лекарь, скульптор, ученый. Даже торговец – правда, только высшей категории. Иногда титул дона даровался и по более абстрактным причинам, за те или иные заслуги перед страной или ее правителями. К слову, наверняка и

сам Ренцо тоже дон, просто не счел нужным выпячивать свой статус при знакомстве.

Гораздо важнее тут было другое. Дон – это не местный титул, не арканзийский. И не северный, не из моих краев. Такой титул существовал в Галлиндии – государстве, граничившем с Арканзией. Я знала об этом исключительно благодаря общему образованию. Сказать, что мне было так уж много известно о Галлиндии, не могу, но, если судить по обрывочным сведениям из энциклопедий и случайно прочитанных книг, она была более цивилизована, чем Арканзия. Более цивилизована в нашем, северном, представлении. С точки зрения самих арканзийцев, это скорее мы являлись безнадежными варварами. Но точка зрения арканзийцев мало меня волновала.

Некоторым образом Галлиндию можно было считать самой южной из северного блока стран. Язык там использовался арканзийский. Это было место, где южная природа сочеталась с северным мировоззрением. Пальмы – с аккуратностью северных садов, смуглость кожи – со строгими нарядами, знаменитые арканзийские бани – со светскими балами. Смешение культур, переплетение ментальностей. Но вряд ли все это будет иметь для меня хоть какое-то значение.

– Сандра.

Я все-таки решила ответить на вопрос Ренцо. Не раскрывая при этом знание его языка. Ответила – и тут же почувствовала презрение к самой себе. Словно поддалась, пошла навстречу, начала смиряться с тем, с чем мириться не могла и не имела права.

Ренцо молча кивнул. Никаких «очень приятно» говорить не стал: наверняка при общении с рабыней это неуместно, к тому же все равно он считал, что я его слов не пойму. Данте тоже коротко кивнул, давая понять, что принимает информацию к сведению.

– Если ты закончил с лирическими отступлениями, то нам пора поторопиться, – обратился он к Ренцо. – Близится время встречи, и мы не заинтересованы в том, чтобы оскорбить этих людей. Особенно на их территории.

– Вовсе они не оскорбятся, – поморщился Ренцо, но шаг вслед за Данте прибавил. Я подстроилась под их темп. Ничего сложного в этом не было: шли они быстро, но отнюдь не бежали. – Это же арканзийцы. Для них здесь прийти вовремя – это все равно, что проявить слабость. Чем больше человек позволяет себе опоздать, тем он респектабельнее.

– Где ты успел понахвататься таких познаний? – усмехнулся Данте.

– Я все-таки здесь далеко не в первый раз, – откликнулся Ренцо. – И не во второй, как ты. Да и вообще, редко, что ли, нам приходится иметь с ними дело?

Я слушала и выхватывала потенциально важную для себя информацию. Первое: мои спутники явно недолюбливали арканзийцев. Второе: с местными у них были какие-то дела. И третье: по-видимому, статус Ренцо был ниже, чем у Данте, однако их отношения представлялись достаточно близкими. Решения принимал Данте, но Ренцо был с ним на «ты» и позволял себе вступать в споры. Да и вообще в их общении ощущалась легкость, как между друзьями.

– То-то и оно, что нередко, – отозвался между тем Данте, умудряясь пробираться через толпу местных бездельников, почти не замедляя шага. – И я предпочитаю лишний раз не рисковать. Нам с ними еще путешествовать без малого неделю.

Путешествовать? К тому же не только с этими двумя, а еще и с какими-то арканзийцами? Час от часу не легче! Как будто мне и так было мало приключений. Я со всей возможной жесткостью пресекла на корню приступ жалости к себе. Давай, Сандра, давай, еще разревись тут у них на глазах. Им точно понравится. И вообще, для чего они меня купили? Это оставалось полнейшей загадкой. Ренцо – тот хотя бы пытался торговаться, но Данте с легкостью заплатил баснословные деньги за рабыню, проявившую высшую степень непокорства. Почему? Пока я видела только один вариант ответа: он из тех господ, которым нравится ломать людей. Им доставляет удовольствие давить на человека со свободной волей, бить, унижать, издеваться и в конечном счете превращать в жалкое, окончательно сломленное пресмыкающееся. Внешне, конечно, южанин был совсем не похож на такого человека, напротив, вид он имел вполне приличный, я бы даже сказала благородный... Но подобные люди почти всегда выглядят со стороны именно так. И полноценно раскрываются лишь при близком знакомстве, каковому не приведите боги состояться.

Впрочем, бояться не стоит. Опасаться – да, но не бояться. Я сумею разрешить ситуацию прежде, чем у них появится возможность причинить мне вред. Во всяком случае, только на это мне и оставалось надеяться.

– Почему ты решил купить эту рабыню? – Похоже, данный вопрос беспокоил не только меня, но и Ренцо. – Ты ведь понимаешь, момент сейчас не самый удачный.

Данте, однако, особой разговорчивости не проявил.

– Решил купить – и купил, – лаконично ответил он, пожав на ходу плечами.

Я могу тебя понять, – немного погодя продолжил Ренцо, – но ты ведь осознаешь, что впереди у нас путешествие через пустыню? Сможет ли она его осилить? Посмотри на нее. – К слову, этого Данте не сделал. – Она явно измотана путешествием на пиратском судне. И ты собираешься прямо сегодня взять ее с собой в Дезерру? – Дезеррой называлась пустыня, располагавшаяся в северной части Арканзии. Дорога из Останы в Галлиндию лежала именно через нее. Стало быть, эти двое уже сегодня планировали пуститься в обратный путь. – Не лучше ли оставить ее здесь? Что если она просто не выдержит дорогу?

Однако Данте было не пронять.

– А у нее не будет выбора, – откликнулся он. – Выдержала плавание на корабле пиратов – выдержит и пустыню. Не такое уж долгое это путешествие. Да и не такое уж изнурительное.

Развивать тему не стали, да у них и не было такой возможности. В этот момент мы, по-видимому, достигли цели нашего путешествия – располагавшейся в нескольких кварталах от центра города таверны. Арочный вход оказался настолько низким, что даже мне пришлось, заходя, пригнуть голову, что уж говорить о моих спутниках. Ощущение было такое, будто впереди – не таверна, а пещера, каких великое множество в здешних горах.

Внутри картина оказалась совсем иной. Здесь все выглядело ухоженно, роскошно и даже, наверное, уютно. Наверное, потому что мое представление об уюте и о том, как должна выглядеть таверна, радикально отличалось от увиденного. Здесь не было ни столов, ни стульев, ни скамей. Ни свечей, ни

канделябров, ни картин на стенах. Вместо этого – полы, устланные коврами и циновками. Места, предназначенные для посетителей и соответствующие нашим столикам, были условно обозначены на полу при помощи дополнительных мягких ковриков и многочисленных подушек разных размеров и цветов. Подушки были разбросаны, а точнее сказать, тщательно разложены в художественном беспорядке, создавая атмосферу беззаботности и одновременно делая пребывание на полу комфортным... Комфортным – это опять же в понимании местных, а не в моем. Вместо столов – просто дополнительные тростниковые циновки, вокруг которых, собственно, и располагались подушки. На этих циновках были расставлены подносы с кушаньями, узкогорлые кувшины, кубки и прочее. Посетители либо сидели, по-южному скрестив ноги, либо полулежали (я бы даже сказала «возлежали»), опираясь на подушки. Некоторые курили кальян.

Цветные занавески на узких окнах были умышленно задернуты, помещение наполняли светом низко висящие лампы. Стены были увешаны узорчатыми коврами. От переливов красного, желтого, черного, коричневого и оранжевого рябило в глазах.

Едва мы вошли, к нам сразу же подбежал слуга, одетый в широкие штаны, рубашку и жилет, и поклонился настолько низко, что практически согнулся пополам. Я ожидала, что у него хрустнет позвоночник, но парень распрямился с привычной легкостью и что-то шепнул Данте. Тот утвердительно кивнул, и слуга повел нас к одному из «столиков».

На ковре с немалым комфортом устроился полный мужчина невысокого роста, с загорелым лицом круглой формы и типично арканзийскими чертами, одетый в белые брюки и длинный белый халат, украшенный пуговицами из чистого золота. О последнем можно было догадаться даже невзирая на скудное освещение. Вообще этот мужчина выглядел холеным, богатым и полным чувства собственной значимости, коего нисколько не стеснялся.

За спиной у посетителя стоял еще один мужчина, вооруженный до зубов – судя по всему, телохранитель. А еще дальше, прислонившись к самой стене, стоял раб. Это было видно по его одежде, поведению и даже по тому, как виртуозно игнорировали его не только посетители, но и слуги.

– День добрый, высокочтимый дон Эльванди. – Посетитель обратился к Данте очень радушно, но с подушек не встал. Видимо, здесь это не было принято. – Да

подарит он тебе множество хороших новостей, да будет полон тени и прохлады, и да будут благословенны все твои начинания.

– Благодарю тебя, высокочтимый Илкер-бей, – вежливо ответил Данте. На этом его приветствие было окончено.

– Присаживайся. – Если Илкер и был обижен лаконичностью ответа гостя, то не подал виду. Его слова сопровождались гостеприимным жестом. – Отведай всего, чего пожелаешь: нигде во всей Арканзии ты не найдешь заведения, в котором готовили бы вкуснее, чем в этой таверне.

Данте снова вежливо кивнул и, на мгновение взглянув на Ренцо, сел, без малейшего труда по-местному скрестив ноги. Ренцо же отвел меня к стене, туда, где стоял раб Илкера, тихо сказал: «Оставайся здесь» (не ожидая, что я пойму его слова, но суть была ясна по ситуации), после чего сел подле Данте. Это немного меня удивило: признаться, я ожидала, что он останется стоять наподобие телохранителя. Мне даже кажется, что и самого Илкера несколько сбила с толку данная вольность. Но Данте отреагировал на действия своего спутника как на нечто само собой разумеющееся, и это все решало. Должно быть, эти двое действительно были очень близки друг к другу по статусу.

Илкер меж тем подозвал слугу, и тот вновь склонился перед посетителями, хотя на сей раз и не так низко, как при приветствии.

– Чего ты желаешь отведать, дон Эльванди? – спросил вместо слуги Илкер, явно принявший на себя роль гостеприимного хозяина. – Я буду рад угостить тебя и твоего спутника. Быть может, вам придется по вкусу здешняя говядина?

– Благодарю, но мы уже отобедали, – откликнулся Данте. – Так что я ограничусь напитком.

– Что желает пить господин? – спросил слуга.

– Кофе, – ответил Данте.

– О, вы знаете толк в арканзийских напитках, – просиял в белозубой улыбке Илкер. – Лучше нашего кофе нигде не сыскать, тут вы совершенно правы.

– А вы, господин? – обратился слуга к Ренцо.

Тоже кофе, – немного помявшись, ответил тот.

По-моему, пить кофе Ренцо совершенно не хотел – возможно, он вообще терпеть не мог этот напиток. Но счел, что после предшествовавшего диалога заказать что-то другое было бы невежливо: такой поступок могли расценить почти как неуважительное отношение к хозяевам или во всяком случае бесцеремонность.

– Арканзийский кофе действительно лучший в мире, – прежним ровным голосом проговорил Данте. – И, что самое неприятное, ваши сограждане тщательно охраняют секрет его приготовления. Казалось бы, несложно достать все нужные ингредиенты – и все равно ничего похожего на ваш напиток не получается. Поручал своим людям эту задачу тысячу раз. И результат все равно нулевой.

Я присматривалась к Данте и пыталась понять, правду он говорит или просто лжет, чтобы доставить удовольствие собеседнику. Понять не смогла. Голос был равнодушным, выражение лица – бесстрастным.

Я повернула голову в сторону выхода. Нет, сбежать невозможно. Нет смысла рисковать. Слишком много народу, и не так уж они расслаблены, как может показаться. Да и снаружи весьма людно. Если эти поднимут шум, меня схватят моментально. Потому-то меня так спокойно и оставили в стороне, даже не привязали, хотя веревка на руке оставалась.

Уловив краем глаза какое-то движение, я поняла, что меня с любопытством разглядывает раб Илкера. Я ответила ему ничего не выражающим взглядом. Быть может, это странно, но ни симпатии, ни чувства солидарности я по отношению к нему не испытывала. Даже наоборот. Наверное, это было нелогично и даже несправедливо, но я ощущала по отношению к рабу почти что ненависть. Для меня он был частью той системы, которая выхватила меня из русла привычной жизни, поглотила и теперь стремилась раздавить. Этот человек – типичный арканзиец, стало быть, он не пленник, а потомственный раб. Он родился и рос рабом, и, следовательно, в его представлении здешний уклад в общем-то являлся нормой. Он не испытывал того чувства протеста, которое с головой поглощало меня. Мне казалось, что такие как он, и такие как Илкер, в равной степени несли ответственность за то, что рабство являлось нормой жизни в этой стране. Они оба с одинаковой готовностью играли ту роль, которая

была отведена для каждого в этой бытовой и политической игре.

– Наши специалисты действительно ревностно хранят свои секреты, – с довольным видом подтвердил Илкер, в то время как расторопный слуга возвратился с кухни, неся в руке заставленный поднос. – Однако дело не только в этом. Настоящий арканзийский кофе может быть сварен исключительно на арканзийской земле. Попробуйте сварить его за границей по тому же самому рецепту, пригласите для этой цели местного профессионального повара – и вкус все равно выйдет другим.

Возможно, такое рассуждение и могло показаться со стороны немного странным, но мне приходилось кое-что читать на эту тему. Арканзия была известна своего рода культом земли. Родная земля, почва семейного надела, города и, наконец, страны, имела в представлении этих людей огромное значение, почти что обожествлялась. Именно поэтому с арканзийцами было так сложно разрешать территориальные конфликты: любой из них, даже самый незначительный, мог с легкостью обернуться кровопролитной войной. Земля здесь считалась порой большей ценностью, чем человеческая жизнь.

Слуга опустил поднос на циновку, вокруг которой сидели собеседники. Расставил чашки, разлил по ним кофе из изящного кофейника, украшенного изображениями каких-то животных. Оттенок напитка был для меня неожиданно темным, а чашечки – непривычно маленькими. У нас кофе всегда подавали в чашках того же размера, что и чай. Эти же были меньше, должно быть, на две трети. По помещению мгновенно распространился вкусный запах кофе. Нам с рабом и телохранителем напиток, ясное дело, никто предлагать не собирался, но это – последнее, что меня огорчало.

Помимо кофе на подносе также стояла ваза, в которой возвышалась горка восточных сладостей разного цвета и формы.

– Селим-паша подписал бумаги, – неспешно произнес Илкер, когда кофе был практически допит.

Произнес как бы между прочим, таким тоном, словно речь шла о погоде. Но Данте вскинул голову, впервые за то время, что я за ним наблюдала, проявив какое-то подобие эмоций.

– Стало быть, договор заключен? – уточнил он.

Илкер неспешно кивнул.

– Селим-паша согласился с твоими условиями, – сообщил бей. – Он считает, что такая договоренность справедлива. Мы обязуемся отныне и в течение десяти лет уважать участок вашей границы протяженностью в пятьсот миль, за которым, в частности, лежат и твои личные земли. И получаем взамен свободный и беспоплатный доступ к нужным нам торговым путям. Однако договор вступит в силу лишь после того, как будет подписан вторично.

Данте понимающе кивнул. Я, кажется, тоже догадывалась, о чем идет речь. Учитывая ту роль, которую играла в представлении арканзийцев земля, договор между двумя странами должен был подписываться на территории обеих. В противном случае он не был освящен землей одной из сторон и, следовательно, не считался полноценным.

– Полагаю, сам Селим-паша слишком занят, чтобы отправиться со мной на территорию Галлиндии? – произнес Данте.

Тон его вопроса лишний раз укрепил меня в подозрении, что беседа, при которой я присутствую – не более чем ритуал. В действительности все уже решено и планы на ближайшее будущее всем известны.

– Ты совершенно прав, высокочтимый дон Эльванди, – подтвердил Илкер. – Однако я наделен всеми полномочиями, необходимыми для подписания второго экземпляра договора на твоей земле.

– Мне это известно, – кивнул Данте. – Стало быть, мы с тобой, Илкер-бей, отправляемся в Галлиндию, дабы окончательно скрепить заключенный союз?

– Именно так, высокочтимый дон Эльванди, да оценят боги по достоинству твою проникательность и мудрость.

– Когда же мы выезжаем? – Данте благоразумно проигнорировал воспевание собственных достоинств, которое являлось не более чем данью принятой на юге манере речи.

– Чем скорее, тем лучше, – отвечивал Илкер.

– Мы с доном Аглари готовы отправиться в путь в самое ближайшее время, – заверил Данте. – Наши вещи собраны и стоят наготове на постоялом дворе. Мы можем выехать через полчаса.

– Чудесно, – кивнул Илкер. – Я тоже успел подготовиться к путешествию. Если мы отправимся в путь в ближайшее время, то успеем проехать несколько часов, прежде чем солнце опустится в свою священную колыбель. Это самое лучшее время для путешествия по пустыне – раннее утро и последние часы перед закатом. Продвигаться по ночам тяжело и опасно, в дневное же время – слишком жарко, хотя этого нам в любом случае не избежать. Мои люди позаботятся об условиях для привалов и ночлега.

Данте благодарно кивнул. Впрочем, по-видимому, эта деталь тоже обговаривалась изначально.

– В таком случае я предлагаю встретиться через полчаса возле лавки стекольщика, напротив входа в бани, – сказал он.

Илкер согласно склонил голову.

– Ты хорошо успел изучить нашу часть города, это весьма похвально, – заметил он. И неожиданно посмотрел на меня в упор. – Я вижу, ты приобрел рабыню. Хороший выбор. Ее, конечно, надо отмыть и почистить, но после этого она будет вполне хороша.

Я старательно смотрела в пол, делая вид, будто не понимаю ни слова, лишь догадываюсь, что речь идет обо мне. Очень хотелось броситься на Илкера с кулаками, расцарапать ему лицо, нанести столько увечий, сколько успею, прежде чем меня сумеют остановить. В моей стране даже служанка, даже последняя распутная девка имела бы полное право вцепиться за подбородок за подобные высказывания в свой адрес. Но мы находились очень далеко от моей страны.

– Для чего ты купил ее? – продолжал расспросы Илкер. – В качестве наложницы? Или для работы по дому? Насчет работы не знаю, но в постели она должна быть неплоха, в ней чувствуется темперамент. Правда, это может создать и

проблемы. Но две-три порки, без сомнения, их решат. Или у тебя какие-то другие планы на ее счет?

Я усиленно боролась с собой, стараясь, чтобы ненависть не проявилась в устремленном на ковер взгляде, но это не помешало мне расслышать, как усмехнулся рядом раб Илкера. Это заставило меня лишний раз почувствовать, что местные рабы и рабовладельцы по-своему заодно, и укрепиться во мнении, что мне не следует отождествлять себя с арканзийскими невольниками и водить с ними дружбу.

Меж тем Данте равнодушно пожал плечами.

- Я пока не решил, для чего буду ее использовать, - ответил он.

- Но для чего-то ведь ты ее купил? - удивился Илкер.

- Для чего люди обычно покупают иностранные диковинки? - отозвался Данте. - В поездке мы все покупаем то, что распространено там, где мы гостим, и является редкостью у нас. Из Галлиндии обычно везут жемчуга, фарфор и лекарственные травы. Из Арканзии - ковры, специи и рабов.

- То есть ты приобрел ее в качестве сувенира? - понимающе спросил Илкер.

- Что-то в этом роде, - подтвердил Данте. - Но не только. В моей стране рабы, как ты знаешь, редкость. Так что красивая рабыня в армоне - это показатель высокого статуса.

- То есть это дело престижа, - покивал Илкер. - Что ж, одобряю. Полностью одобряю. Я грешным делом хотел предложить перекупить ее у тебя: что-то в этой иноземке есть... Но раз такое дело... Твоя причина важней.

- Увы, Илкер-бек, моя рабыня не продается, - покачал головой Данте, и в этом движении мне почудилась излишняя резкость. Излишняя, учитывая, что собеседник и так уже отступился от своей идеи.

Впрочем, мне сейчас могло почудиться все что угодно. Услышанный разговор был настолько унижительным, что руки ощутимо дрожали, а перед глазами

плясали темные круги ярости.

– Что ж, полагаю, нам пора идти, – заметил Данте. – Время не ждет. Чем скорее мы отправимся в путь, тем большее расстояние сумеем преодолеть за сегодня. Если не ошибаюсь, до Бертана нам добираться около двух дней.

– Совершенно верно, дон Эльванди, – подтвердил Илкер.

Я понятия не имела, что такое Бертан, но это не слишком меня интересовало. По едва заметному знаку Илкера раб подбежал к нему и помог подняться на ноги. Данте и Ренцо, к счастью, встали самостоятельно. Лишь после этого Ренцо подошел ко мне, взялся, как и прежде, за конец веревки и знаком предложил выйти из таверны. Я послушно зашагала к выходу, тщательно унимая все еще бившую тело дрожь. Приближалось путешествие через пустыню, и я собиралась этим воспользоваться. Наступит момент, когда я перестану быть послушной.

Глава 2

Вскоре я поняла, почему встреча Данте и Илкера состоялась именно в этой таверне. Как выяснилось, постоянный двор, на котором остановились галлиндийцы, располагался совсем неподалеку. По дороге Ренцо немало удивил меня, незаметно сунув в руку нечто зеленое, покрытое белыми точками и шершавое на ощупь. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это – южная сладость, видимо, одна из тех, что подавали к кофе. При этом Ренцо действовал осторожно, будто опасался, что его поступок кто-нибудь заметит. Не могу сказать, чтобы я растаяла от такой заботы. Она казалась мне больше похожей на подачку, как когда голодной собаке кидают кость с барского стола. Или угощают куском сахара, стремясь таким образом приручить. Но я не собака, и со мной этот номер не пройдет.

Поэтому поначалу я даже не стала есть подаренный продукт, невзирая на острое чувство голода. Но и выбрасывать его не собиралась: все же я не настолько глупа. Кто знает, собираются ли меня кормить вообще, и уж во всяком случае неизвестно, с какой частотой.

В комнаты Ренцо и Данте меня вести не стали. Немного посоветовавшись, оставили во внутреннем дворе. Это был совсем небольшой участок земли, огороженный со всех сторон высокой стеной. Так что почти тюрьма под открытым небом. Зато со скамейкой, на которую я и села, едва эти двое исчезли в здании. Какая же на меня накатила усталость! Именно в тот момент, когда я получила возможность ненадолго расслабиться. Сразу же выяснилось, что ноги нещадно болят. Да что там ноги, болела и спина, и вообще все тело.

Я напряглась, увидев, как в мою сторону устремилась девушка, работавшая на постоялом дворе. Небогатая, довольно скромно одетая, но и не рабыня: я не увидела у нее знака дракона, да и вообще, кажется, начинала отличать рабов от свободных людей по внешнему виду и манере поведения.

И чего она от меня хочет? Скажет, что нечего рабыням расслаживаться? Или и вовсе приспособит к какому-нибудь делу, чтобы рабочая сила не пропадала, пока хозяину я все равно не нужна?

Но вопреки моим ожиданиям девушка, сочувственно на меня посмотрев – кажется, я увидела в чьих-то глазах сочувствие впервые с того момента, как моя нога коснулась земли Арканзии, – вручила мне большой кусок хлеба и кувшин с молоком. Поблагодарив ее кивком головы, я с жадностью вцепилась зубами в хлеб. Ела совершенно неприлично, но сил на то, чтобы остановиться и скорректировать свое поведение, уже не осталось. Девушка сразу ушла, я же проглотила всю свою порцию в считанные секунды и стала столь же жадно запивать ее молоком. По подбородку потекла струйка, я вытерла ее резким движением и продолжила пить.

Хорошо, но мало. Угощение закончилось, а я бы, кажется, съела еще несколько раз по столько же. Я даже подумывала о том, чтобы подойти к девушке и попросить у нее еще. Но, во-первых, мне было не вполне удобно это делать: я ведь и за первую порцию заплатить не могла. А во-вторых, по легенде я не знала арканзийского языка и, следовательно, ничего не смогла бы ей объяснить.

И тут я вспомнила про припрятанный в платок подарок Ренцо! Извлекла его на свет и тут же съела. Я даже не успела почувствовать вкус, хотя местные сладости считались чрезвычайно изысканным яством. Но во всяком случае мой желудок стал хоть немного более полным. И хорошо, что я не съела эту зеленую штуку сразу: думаю, на голодный желудок от сладкого мне стало бы нехорошо.

В путь отправились на джамалях – это животные, весьма похожие на верблюдов и даже считающиеся их разновидностью. Тоже горбатые, точнее двугорбые, покрытые густым коричневым мехом. Идеально приспособленные к суровому климату пустыни. От остальных представителей семейства верблюдовых они отличаются главным образом тем, что, во-первых, способны развивать большую скорость (хотя, как правило, передвигаются, наоборот, неторопливо, экономя силы и ресурсы), а во-вторых, их ноги покрыты до колен очень толстой шкурой. Как я узнала позднее, эта особенность развилась у арканзийских джамалей как необходимое условие для выживания в здешних пустынях, таких как Дезерра. Дело в том, что эти места кишмя кишели ядовитыми змеями, и прочная шкура предохраняла верблюдов от укусов.

Наш отряд, в скором времени собравшийся на улице за стенами постоянного двора, состоял из восьми человек. Все, кроме меня, мужчины. По большей части это была свита Илкера. При нем были давешний телохранитель, двое рабов (включая того, которого я видела в таверне) и надсмотрщик, призванный следить собственно за рабами, равно как и прислуживать своему господину. Данте и Ренцо, со своей стороны, путешествовали вдвоем (если не считать меня).

Сперва я даже слегка удивилась тому, что рабы, как и все прочие, отправлялись в путь верхом. Даже я, для которой наверняка изначально джамаль предусмотрен не был. Это уже потом выяснилось, что путешествовать по Дезерре по-другому просто нереально.

Оседлать животное оказалось легко, гораздо легче, чем вскочить на лошадь: джамаль опустился на колени, и его туловище оказалось таким образом очень низко. Зато потом, когда я оказалась в седле, а он начал подниматься, мне резко стало не по себе. Меня раскачивало, будто на штормящем судне, и, почувствовав, что вот-вот упаду, я судорожно вцепилась обеими руками в деревянную ручку, приделанную к седлу спереди, видимо, специально для того, чтобы в случае необходимости помочь всаднику удержать равновесие. Рабы Илкера наблюдали за моим ужасом с усмешкой, телохранитель на всякий случай приблизился, чтобы помочь, если возникнет такая потребность; остальные просто не обращали внимания на рабыню. Мне все же удалось удержаться самостоятельно. Было по-прежнему страшновато: сидеть на джамале оказалось выше, чем на лошади, к тому же при движении по-прежнему создавалось легкое ощущение морской качки. В придачу и сидеть в седле (также принципиально

отличавшемся от лошадиного и расположенном между двумя горбами животного) следовало не так, как я привыкла, а скрестив ноги, будто на циновке в таверне. Причина этого была выше моего понимания, и поначалу я все же настояла на том, чтобы сидеть так, как привыкла. К счастью, моя юбка была достаточно широкой, да еще и разорванной в нескольких местах, что позволяло свободно располагаться в седле.

Удивляло сперва и то, как тщательно одеты были мои спутники. Одежда их была из легкой ткани, но практически не оставляла обнаженным ни одного дюйма тела. Арканзийцы были буквально-таки закутаны в странно выглядящие темные хламиды. Наряд галлиндийцев был более привычен глазу, но и у них на головах были намотаны тюрбаны, примерно такие же, как у арканзийцев. Даже мне перекинули какой-то кусок светлой ткани, и я худо-бедно нацепила его на голову, чтобы избежать солнечного удара.

Первый день путешествия, вернее его остаток, прошел относительно спокойно. К езде на джамале я быстро привыкла. Эти животные безропотно следовали за тем, которого считали вожаком. Мы неспешно ехали вереницей, и управлять джамалем было практически не нужно. Что и хорошо, ведь я этого делать не умела. Один сложный момент возник, когда мой джамаль сильно заинтересовался росшими слева от нашего пути колючками. Шагнул в сторону и медленно опустил длинную шею, чтобы пожевать это сомнительное лакомство. Я же почувствовала, что вот-вот скачусь с седла носом вперед. К счастью, недисциплинированность верблюда была вовремя замечена, и телохранитель, соскочив с собственного джамала, парой громких окликов и хлопком по боку призвал животное к порядку.

Солнце зашло чрезвычайно быстро. Вроде бы только-только начался закат – и вот уже пустыня погрузилась в темноту. Но арканзийцы, видимо, знали об этой здешней особенности, поэтому своевременно выбрали место для ночлега. Собственно, здесь и выбирать-то было особенно не из чего, куда ни кинь взгляд – огромный песчаный ковер да барханы. Спешиваться не торопились. Определив место, телохранитель медленно повел джамала по его периметру, раскидывая по ходу маленькие красные камушки. Лишь после того, как эта работа была закончена, мы проехали на джамалах внутрь отмеченной зоны и уже там спешили. Такие приготовления несколько меня не удивили, поскольку мне были известны свойства этих красных камней. Они имели магическую природу и часто использовались при изготовлении оберегов. Камушки должны были защитить место нашей стоянки от подстерегающих в пустыне опасностей. К

примеру, отогнали бы хищного зверя и даже смягчали порывы не на шутку разошедшегося к ночи ветра.

Затем рабы Илкера стали устанавливать огромный шатер, один на всех, извлекая его составные части из крупной дорожной сумки. Высокий складной каркас из неизвестного мне материала, наверху тряпичная «крыша» и такие же тряпичные «стены» по бокам. Внутри быстро покидали несколько маленьких ковриков – все, что возможно в походных условиях для удобства господ.

Затем один раб, Берк, занялся приготовлением пищи, а второй, знакомый мне по таверне Юркмез, принялся расседлывать джамалей: животные нуждались в отдыхе не только от наездников, но и от седел.

Я села на песок, стараясь держаться как можно дальше ото всех, и обхватила руками колени.

– Эй, ты! – крикнул Юркмез. Вообще-то он был в курсе, что я не понимаю арканзийского, но не счел нужным придать этому особое значение. – Что расселась, как госпожа? Давай помогай с джамалами!

Возможно, обратись он ко мне другим тоном, я бы встала и принялась помогать. Тем более что к животным я относилась хорошо. Но в этом окрике было столько презрительного высокомерия, словно передо мной был не раб, а по меньшей мере визирь. Вынужденный пресмыкаться перед Илкером, надсмотрщиком, да и многими другими, он решил, что сможет отыграться на мне. К тому же я дико устала, а говорить о моем настроении и вовсе бессмысленно. Я просто ненавидела весь мир. Тихо, но оттого не менее сильно.

Поэтому я сделала вид, что не понимаю его слов. Юркмез разозлился: смысл его приказа можно было понять и без знания языка, по жестам и по ситуации в целом. Но я лишь посмотрела ему в глаза, жестко и выразительно, с молчаливым вызовом, и он отстал. Продолжил заниматься джамалами в одиночку, что-то невнятно бурча себе под нос.

Изначально я собиралась бежать в эту ночь. Но усталость изменила мои планы. Кое-как прислонившись к стойке шатра, я просто уснула, даже не дождавшись, когда на костре дожарят мясо.

Проснувшись, я обнаружила, что лежу на песке, укрытая чем-то вроде плаща; под головой обнаружился еще один кусок ткани, сложенный в несколько раз, чтобы заменить подушку. Интересно, кто это так обо мне позаботился? Готова отдать голову на отсечение, что не Юркмез.

Желудок моментально напомнил о том, что я уснула не поев. Завтракали остатками вчерашнего мяса, кроме того, ели прихваченные с собой сыр и хлеб. Запивали водой, которую, однако, использовали очень экономно. С самого начала пути каждому из нас выделили по фляге, но фляги рабов были значительно меньше, чем те, что предназначались господам, равно как и свободным слугам – надсмотрщику и телохранителю.

Еда рабов тоже отличалась от еды хозяев. Фактически нам были щедро предоставлены объедки. Те куски мяса, что подгорели или просто были слишком жесткими. Кусок сыра с той стороны, что успела слегка заплесневеть. Впрочем, мой желудок не был настроен привередничать, тем более что во время путешествия на пиратском судне нас тоже не так чтобы шикарно кормили.

Тем не менее, когда время завтрака закончилось, а рабы и слуги занялись верблюдами и шатром, ко мне подошел Ренцо и безмолвно протянул кусок мяса и флягу с водой. Мясо выглядело совсем не так, как наше, оно было сочным и мягким. Фляга тоже была большой – видимо, принадлежала самому Ренцо. Я приняла мясо, кивнув головой в знак благодарности, и быстро его съела, а вот отпивать из фляги не спешила. Указала на свою собственную: дескать, у меня еще есть вода. Ренцо покачал головой и настойчиво вложил большую флягу мне в руки. Что ж, если он такой нежадный, не стану отказываться и сэкономлю немного собственной воды. В пустыне это может оказаться весьма полезным. Сделала несколько больших глотков и вернула флягу ее владельцу.

И краем глаза успела заметить, с какой неприязнью и завистью глядит на меня Юркмез. Что ж, по-своему его можно было понять. Хотя, с другой стороны, я не спешила придавать слишком большое значение произошедшему. Это хорошо, что я получила больше еды и воды. Но с точки зрения целей, которые преследовал при этом Ренцо... Я по-прежнему не сомневалась: он просто пытается приручить меня, как дикого зверька. Знала и другое: ему это не удастся.

Весь день, не считая непродолжительных привалов, мы провели в путешествии по пустыне. Выехали, когда солнечный диск только-только начал подниматься над барханами. Первые часы не останавливались вовсе, стараясь по максимуму использовать не слишком жаркое раннее утро. Постепенно солнце поднималось все выше, и жара становилась нестерпимой. И это притом, что небо сегодня было подернуто странной белесой дымкой, казалось бы, ослабляющей солнечные лучи. Даже само солнце было странным: совершенно белый круг, как будто луна, но только более яркая, на которую трудно смотреть.

Тем не менее жара была невыносимой. Пот стекал с лица струями, тем более что я все-таки не снимала с головы белую тряпицу, предохраняющую от солнечного удара. Зато максимально закатала рукава и раскрыла ворот платья. За что вскоре и поплатилась: кожа на лице и прочих столь неблагоприятно открытых солнцу местах покраснела и по ощущениям горела огнем. До нее больно было дотронуться. Особенно сильно пострадали руки, нос и щеки.

Во время привала, сделанного уже после того, как солнце стало клониться к западу, Юркмез обратился к надсмотрщику, ответственному за запасы воды, с просьбой заново наполнить его флягу.

– С какой это стати? – возмутился тот. – Ты получил ровно столько воды, сколько необходимо до конца дня.

Я гадливо поморщилась. Конечно, терять рабов они не хотели, а потому наверняка очень точно рассчитали, сколько воды необходимо каждому, чтобы не потерять сознание от обезвоживания. Но при этом не предоставили ни одной лишней капли.

– Но моя вода уже закончилась!

Юркмез демонстративно перевернул свою флягу горлышком вниз. Из нее и правда не вытекло ни капли.

– Стало быть, ты неэкономно ее расходовал, – и бровью не повел надсмотрщик. – До вечера ничего не получишь. А наперед будешь знать, как правильно пользоваться запасами.

Юркмез был очень зол, но больше ничего не сказал. Я подумала было: не поделиться ли с ним собственной водой? Путешествовать по пустыне, не имея возможности сделать глоток, очень мучительно. Я и сама как следует настрадалась, постоянно отказывая себе в питье из соображений экономии. Но, встряхнув собственную флягу и поняв, что там воды тоже осталось на донышке, проявлять самопожертвование не стала.

Немного перекусив тем, что перепало от щедрот хозяев, я уже привычно села с краю, прислонившись к стойке шатра, стараясь максимально спрятаться от солнца в отбрасываемой им тени. Лицо, руки и шею нещадно жгло. Должно быть, кожа как следует покраснелась, во всяком случае рабы поглядывали на меня с усмешкой и пару раз тихонько обменялись язвительными, судя по интонациям, репликами. Я чувствовала себя так, будто у меня поднялась высокая температура. Желания жить это не прибавляло. Теплых чувств к хозяевам – тоже. Я вообще ненавидела сейчас все теплое. И как никогда хорошо понимала, почему у арканзийцев принято желать собеседнику тени и прохлады, а не света и тепла, как у нас на севере.

Человеческая тень упала внезапно на горячий золотой песок. Я вздрогнула и инстинктивно отпрянула, резко поднимая голову. Ренцо. Почему-то это заставило меня слегка успокоиться. Пожалуй, от этого человека я ожидала гадостей меньше всего. На втором месте, как ни странно, был холодный и немногословный Данте, а вот арканзийцев я боялась и ненавидела сильнее всех. Странно, с чего бы так? Ведь именно галлиндийцам я теперь принадлежу. Неужели стремление Ренцо меня приручить дает свои плоды? Но если так, чем я и правда лучше маленького дикого зверька?

Я вскочила на ноги и резко оттолкнула Ренцо, едва его рука коснулась моей щеки, предварительно опустившись в какую-то миску.

– Тсс... Тише, тише. – Ренцо примирительно выставил вперед руку, пока я пялилась на него ничего не понимающим взглядом. – Это для твоей кожи.

Он указал на миску, в которой обнаружилась какая-то густая желтоватая смесь, потом на мое лицо. Я начала понимать. Видимо, это какое-то средство для лечения обгоревшей кожи.

– Что тут случилось? – Голос Данте заставил меня повторно вздрогнуть.

Кажется, мой резкий скачок привлек его внимание.

– Ничего, – откликнулся Ренцо. – Пытаюсь обработать ей лицо, а она боится.

Данте неодобрительно покачал головой, переведя взгляд с моего носа на шею, а затем на руки.

– Она не местная, не знает, что в пустыне надо как следует закутаться, – заметил Ренцо. – Надо было ей объяснить, но как?

– Все равно не помогло бы, – заметил Данте. – У нее слишком белая кожа, не такая, как у нас. Лицо все равно бы сгорело. Ладно, попытайся объяснить ей, что она должна пользоваться мазью регулярно.

Он сам шагнул ко мне, указал на миску с желтой смесью и заглянул в глаза. От страха у меня мороз пробежал по коже.

– Это, – Данте почти коснулся пальцем мази, – надо наносить на кожу. – Он показательно провел пальцем по своему лицу.

Еще раз посмотрел мне в глаза, словно хотел достучаться до самых глубин сознания, и вернулся в шатер. Я вздохнула с облегчением.

– Давай. – Теперь ко мне снова подошел Ренцо. – Я покажу в первый раз, как это делать.

Я позволила ему приблизиться и, напряженно следя за каждым движением, предоставила возможность помазать обгоревшие участки кожи. Ренцо набирал мазь щедро, толстым слоем. Она была жирной и прохладной, отчего по пострадавшей коже сразу же распространялось приятное ощущение. И, сколь это ни странно, мягкое прикосновение смуглых пальцев галлиндийца не так чтобы было мне неприятно.

Мазь осталась при мне и на удивление быстро помогла. Кожа начала немного шелушиться, но к вечеру боли и ощущения жара почти не осталось.

За день я снова смертельно устала, но на сей раз это не могло изменить моих планов. Этой ночью я была намерена бежать. Куда? Что я собиралась делать дальше? Эти вопросы волновали меня в последнюю очередь. Бежать. Перестать быть рабыней. Никогда больше не увидеть человека, считающего себя вправе называться моим хозяином. Никому не позволить совершить надо мной насилие – в каком бы то ни было значении этого слова. Все остальное – побоку. Если ради этого придется умереть – а вероятнее всего, так оно и будет, – значит, я готова умереть.

Я сделала вид, будто легла спать, как и прошлой ночью. Дождалась, пока стихнут все разговоры и все улягутся. Выждала еще некоторое время. Возможно, спят не все. Вполне вероятно, что надсмотрщик и телохранитель по очереди бдят, ненавязчиво следя, чтобы все было в порядке. Все, что мне оставалось, – это пойти на риск. И надеяться, что ночная темнота окажется на моей стороне.

Правда, ночь стояла звездная. Белесая дымка рассеялась, и теперь от неба трудно было оторвать взгляд. Говорят, самое звездное небо можно увидеть либо в пустыне, либо в открытом море. В открытом море я побывала лишь однажды, но тогда нас держали в трюме, да и погода стояла неидеальная. Словом, было не до звезд. А сейчас, невзирая на всю сложность, даже обреченность моей ситуации, я с трудом опустила глаза, переключаясь с усыпанных яркими точками небес на грешную землю.

Большую флягу, полную воды, я выкрала заранее. На какое-то время хватит, а дальше... Я не загадывала так далеко. Главное – вырваться отсюда, уйти достаточно далеко, чтобы меня не смогли найти. Ну а потом. Оставалось надеяться, что меня ждет более легкий конец, чем смерть от жажды.

Наконец решившись, я очень медленно поднялась на ноги. Сделала несколько осторожных шагов по, увы, шуршавшему под ногами песку. Никто не пошевелился. Я перескочила через условное ограждение, выложенное красными камнями, и бросилась бежать. Сперва неуклюже – уж больно непривычно было бегать по песку, – но затем все быстрее и быстрее. Не оглядываясь, чтобы не сбавлять темпа. Направляясь к барханам, за которыми меня стало бы не видно. А сильный ветер (неожиданно сильный – все-таки магические камни основательно сдерживали его порывы) вскоре занес бы мои следы новым песком.

Увы, хоть я и не оглядывалась, но очень скоро услышала, как позади скрипит под чьими-то ногами песок.

– Стой! – крикнули затем.

Я и не подумала подчиниться. Наоборот, собрала в кулак всю волю, все силы и рванула так, словно мне вовсе не нужно было дышать. Если сейчас меня поймают – даже думать не хочу, что случится тогда. Не говоря уж о том, что второго шанса бежать может не представиться.

Но, несмотря на все мои отчаянные старания, расстояние между мной и моим преследователем неумолимо сокращалось. И в какой-то момент я почувствовала, как его рука грубо вцепилась в мое плечо. Я вырвалась. Он снова меня схватил.

Я продолжила отчаянно вырываться, как никогда чувствуя себя загнанным зверем. Наконец, мне удалось освободиться, и я побежала было дальше, но преследователь снова меня перехватил. На сей раз я не удержалась на ногах, он тоже потерял равновесие, и мы оба упали на остывший за темное время суток песок.

– Идиотка! – рявкнул Данте. Поднявшись сам, он буквально вздернул меня на ноги, словно я была тряпичной куклой. – Чего ты хотела этим добиться?!

Тяжело дыша, я подняла голову, но отвечать или нет, решить так и не успела. Данте резко сжал мое запястье, глядя куда-то в сторону.

– Ш-ш.

Я повернула голову, проследив за его взглядом. Ее нетрудно было разглядеть, несмотря на ночное время. И дело тут даже не в обилии звезд. Карахские гадюки слабо светятся в темноте. Уж не знаю отчего – быть может, природа позаботилась таким образом об их потенциальных жертвах.

Такая гадюка находилась сейчас в паре ярдов от нас. То есть очень близко. Я застыла, позабыв о руке Данте, все еще сжимавшей мое запястье. О карахских гадюках, как и о многом другом, мне доводилось читать, но, право слово, лучше бы я была менее образованна. И почему только я не учла, что они водятся именно в здешних пустынях? Зато я точно знала, что передвигаются они стремительно, атакуют мгновенно, а их яд смертелен. Казалось бы, подобный исход вполне соответствовал моим недавним планам. Но смерть от укуса такой

гадюки не только смертельна, но и чрезвычайно мучительна. Человек умирает не сразу. Сначала его парализует, причем постепенно, частями. Сперва отказывают ноги, затем действие яда распространяется дальше по телу. Еще какое-то время человек живет, не способный ни двигаться, ни говорить. И лишь потом паралич дыхательных путей приводит к смерти.

Наши спутники, сбегавшиеся на недавний шум, резко остановились, едва завидев синеватый силуэт змеи на песке. Нас отделяло от них по меньшей мере ярдов десять. Приближаться никто не спешил, и тут они были правы. Им все равно не успеть на помощь. Зато подвергнутся риску сами.

- Тише, - одними губами произнес Данте. - Не шевелись.

Я и не собиралась. Карахские гадюки не нападают на людей без причины. Но вот любое неосторожное движение на близком расстоянии могут воспринять как угрозу собственной безопасности, и тогда от них практически нет спасения. И как теперь быть?

Я осторожно покосилась на Данте. На самом деле для него существовал единственно правильный вариант дальнейших действий: толкнуть меня в сторону змеи, а самому воспользоваться моментом и отскочить на безопасное расстояние. Пока гадюка будет занята мной, у него будет время уйти. Змеи не способны сосредоточиться на нескольких объектах сразу.

Все равно обоим живыми из этой передраги не выйти. И, конечно же, он предпочтет пожертвовать рабыней, тем более такой непокорной. Тем более что именно из-за нее он сам и оказался в этой ситуации. Я внутренне сжалась и лишь удивлялась, почему он медлит. Не так уж легко послать человека на верную смерть, даже если этот человек - раб? Или банальнейшим образом жалко шестидесяти динаров? Но ведь жизнь все равно дороже.

- Готов поспорить, - Данте говорил едва слышным шепотом, скривив губы в слабой усмешке, - что ты сейчас очень хотела бы толкнуть меня этой твари навстречу.

Он говорил, не глядя в мою сторону и не рассчитывая, что я хоть что-то пойму. У меня же расширились глаза от удивления. Надо же, до чего похоже мы мыслим. И насколько разную картину происходящего при этом выстраиваем. Мне даже в

голову не пришло толкать к змее Данте. Я лишь ожидала такого поступка от него.

Меж тем я неожиданно поняла, что его пальцы больше не касаются моей руки. От этого почему-то стало страшнее. То ли я решила, что он вот-вот бросит меня змее, то ли просто это прикосновение внушало хоть какое-то чувство безопасности. Не знаю.

Я даже не заметила, как Данте поднес руку к поясу. Просто внезапно совсем рядом мелькнул клинок, а спустя секунду брошенный нож отсек гадюке голову. Тишина ночной пустыни сразу же нарушилась громкими возгласами и хрустящим под ногами песком: наблюдавшие эту сцену бросились к нам.

Я в изумлении взирала на своего спутника. Да, я видела, что нож непростой. В рукояти – синий магический камень, из очень редких, усиливающий смертоносное действие оружия. Но что с того? Данте все равно должен был действовать стремительно и при этом метнуть нож точно в цель идеально выверенным движением.

Впрочем, возможности долго раздумывать над этим у меня не было. Данте практически сразу же схватил меня за плечо и поволок обратно к шатру. Остальные шли кто рядом, кто позади. Остановились лишь после того, как вновь оказались в спасительном окружении красных камней.

– Я уважаю твою смелость и меткость, дон Эльванди, – лишь теперь заговорил Илкер, – и все же неразумно было так рисковать. Тебе следовало пожертвовать рабыней, чтобы спастись самому. Неужели тебе настолько ее жаль?

В его словах слышалось нескрываемое неодобрение.

Жаль? – с удивлением переспросил Данте. – В моей стране, почтеннейший Илкер-бей, похоже, иные представления о том, как следует себя вести мужчине. Воин не должен намеренно искать неприятностей, ибо это неразумно, а воину следует быть разумным. Однако, если неприятности сами нашли его, отступать и тем более прятаться за женскую спину негоже. Мужчина должен быть в состоянии самостоятельно решить проблему, в противном случае его перестанут уважать.

– Что ж, понимаю, – медленно кивнул Илкер. – Такое понятие о чести все еще представляется мне не вполне благоразумным, однако не нам менять то, что устанавливалось веками.

– Вот именно, – холодно подтвердил Данте. – У тебя есть наручники или веревка? – повелительно обратился он к надсмотрщику. – Позаботься о том, чтобы она опять не сбежала.

Я зло усмехнулась. Теперь все снова встало на свои места. Мы вернулись к системе взаимоотношений «хозяин – раб». Но прежде чем надсмотрщик, приготовив веревку, оттащил меня в сторону, я вздернула подбородок и посмотрела Данте прямо в глаза – так, как не имела права делать рабыня. Демонстрируя тем самым, что все равно не собираюсь принимать свою судьбу.

Эта выходка не укрылась от внимания Илкера.

– Твоя рабыня слишком непокорна, – заметил он. – Не только потому, что попыталась бежать. Она вообще позволяет себе слишком многое. Тебе следует ее усмирить. Я могу дать несколько советов, которые позволят сделать это быстро и с гарантированным результатом.

– Благодарю тебя, Илкер-бей, – без особой благодарности в голосе откликнулся Данте. – Я сам сумею укротить собственную рабыню. Но я намерен заняться этим после того, как возвращусь в свой армон. Там у меня будут для этого все средства.

«Значит, мне ни в коем случае нельзя оказаться в его армоне», – заключила я, пока надсмотрщик, вывернув мне запястья, грубо связывал их за спиной. Затем он взял вторую веревку и с ее помощью привязал первую к стойке шатра. Так меня и оставили, словно сидящую на цепи собаку.

Впрочем, туда мне и дорога. Раз не смогла сбежать и умереть тоже не решилась – значит, все вполне заслуженно. Во всяком случае, закономерно.

Все разошлись. Господа ушли спать в шатер, рабы устроились снаружи. Я не ложилась, все сидела, кое-как прислонившись спиной к узкой опоре, и в конце концов задремала, откинув голову назад. Руки быстро затекли, голова то и дело скатывалась набок, вырывая меня из дремы. Постепенно я все же погрузилась в

более глубокий сон. А пробудившись, почувствовала, как сердце от ужаса подскочило к горлу.

Незаметно подкравшийся сзади Берк зажал мне обеими руками рот. Задрал голову, отчаянно мыча и инстинктивно пытаюсь высвободиться, я увидела над собой его лицо. А тем временем спереди ко мне подошел Юркмез. Склонившись так близко к моему лицу, что в нос ударил запах его пота, он тихо, но очень жестко сказал:

- Теперь ты узнаешь, где твое место. И навсегда запомнишь урок. Не будешь больше строить из себя недотрогу.

Он задрал мне юбку и принялся раздвигать сведенные ноги. Несмотря на весь охвативший меня ужас, я догадалась сделать один неожиданный ход. Вместо того чтобы бороться с Юркмезом или просто сопротивляться без конкретной цели, сосредоточилась на Берке. Мне удалось с силой укусить его за палец. Он отдернул руку, а я, воспользовавшись этим, громко закричала. Спустя секунду он исправил свою ошибку, но было поздно. Стенки шатра зашевелились.

Даже не знаю, зачем я стала кричать. На что рассчитывала? После всего, что произошло этой ночью, вполне логично было ожидать, что господа лишь с усмешкой понаблюдают за развлечением рабов. Или, на худой конец, разгонят последних и примутся за дело сами. Надо же и вправду показать рабыне, где ее место! Должно быть, я кричала просто от безысходности. А может быть, и нет.

В конце концов, кто-то ведь все-таки укрыл меня тогда одеялом и подложил под голову импровизированную подушку.

Первыми из шатра выскочили галлиндийцы. Берк не успел сориентироваться, и Ренцо ударил его, кажется, по лицу, и так сильно, что раб не удержался на ногах. Я глубоко вдохнула: руки раба, помимо того, что зажимали мне рот, периодически прикрывали и ноздри, отчего становилось трудно дышать.

Юркмез оказался более проворным и быстро отскочил от меня на порядочное расстояние. Но это ему не помогло: Данте с легкостью повалил его на землю, после чего наступил рабу на шею. Тот отчаянно захрипел, потянувшись руками к горлу. Но Данте даже не подумал сдвинуть ногу, обутую в крепкий дорожный башмак. Я ненадолго зажмурилась: казалось, что во все стороны вот- вот

брызнет кровь.

Меж тем свободные арканзийцы тоже выбежали из шатра. Данте повернулся к Илкеру и холодно произнес:

– Высокочтимый Илкер-бей, твой раб посягнул на мою собственность. Собственность, которой даже я сам еще не успел воспользоваться. Я не убил его только из уважения к тебе. Но если подобное повторится, я буду считать себя вправе убить его, не спрашивая на то твоего позволения.

Договорив, Данте все-таки убрал ногу, и Юркмез со сдавленным хрипом отполз в сторону.

– Ты совершенно прав, дон Эльванди, – хмуро произнес Илкер, успевший быстро оценить ситуацию. – Поверь, такое больше не повторится, а мой раб будет сурово наказан.

– Очень на это надеюсь. – Данте отвернулся, демонстрируя, что считает инцидент исчерпанным, после чего приказал надсмотрщику снять с меня веревки.

А затем знаком велел мне следовать за ним в шатер. После всего, что успело произойти за эту ночь, я чувствовала себя настолько потерявшей ориентиры, что просто послушно пошла следом, даже не задумываясь о том, для чего это нужно.

Пожалуй, и хорошо, что не задумывалась, поскольку ничего особенного не произошло. Мне просто велели ложиться спать. Усталое циновками пространство шатра было условно поделено на галлиндийскую и арканзийскую части. Меня определили в угол первой. При этом Данте поручил надсмотрщику и телохранителю присматривать за мной – видимо, остаток ночи им в любом случае предстояло поочередно дежурить.

Сколь ни удивительно, я быстро уснула. Поскольку ночь выдалась короткой, путешественники позволили себе поспать утром чуть дольше и встали не затемно, а уже после рассвета. Солнечные лучи с легкостью проникали сквозь крышу шатра. Внутри было тепло и душно. Куда только делся ночной порывистый ветер?

Я протерла глаза спросонья и только теперь поняла, что меня разбудило. Доносившиеся снаружи крики. Крики, следовавшие за свистом рассекаемого плетью воздуха. Илкер исполнил данное Данте обещание наказать виновных.

Глава 3

Бертан оказался небольшим городком, лежавшим на нашем пути. Он расположился там, где суровая природа пустыни отступала благодаря слиянию двух узких речушек. Здесь они солидно величались реками, хотя после тех рек, что доводилось видеть мне (когда и другой берег-то при плохой погоде непросто разглядеть), напрашивалось скорее слово «ручей». Помимо этих источников здесь был один бьющий из-под земли родник и два колодца, так что воды оказалось достаточно, чтобы в долине между речками возникло небольшое поселение.

Впрочем, размеры размерами, а к строительству здесь подошли основательно, так что Бертан действительно выглядел как город, пускай и не был обнесен стеной. Добротные каменные дома, хорошо сохраняющие ночную прохладу; многие из них двух- и трехэтажные – известный способ поселить на относительно маленьком пространстве побольше людей. Небольшая, но аккуратная городская площадь с помостом и башней, на которой даже размещались внушительные часы. Лавки с такими товарами, как глиняная посуда, ковры и полупрозрачные ткани, модные среди обитательниц здешних богатых домов. Здесь было значительно чище, чем в Остане. Чище и не так шумно.

Как я поняла, места на постоялом дворе были заказаны для нас заранее; не иначе Илкер или даже его хозяин (как его там? кажется, Селим-паша?) успел отправить сюда гонца. Однако сам двор еще следовало найти. Мы остановились, чтобы спросить дорогу у торговца, сидевшего возле дверей своей лавки. Напротив был расположен храм – светлое одноэтажное здание с куполообразной крышей, и возле него – высокая башня, на верхушке которой располагалась открытая всем ветрам площадка. Такие башни возводились при храмах для того, чтобы любой человек мог, поднявшись, приблизиться к богу. Вот только все окна здания были почему-то занавешены черной тканью. Прямоугольный кусок черной материи был также прикреплен к каменной стене башни, и его

периодически принимался трепать ветер. Странный контраст. Вроде бы в Остане я не видела ничего подобного. Хотя могла, конечно, просто не заметить. Да и вообще, много ли я успела там увидеть?

- Что это? - спросил у торговца Ренцо, указывая как раз на ту самую черную ткань. Ага, стало быть, нормой это здесь не является, и я не единственная, кто обратил внимание на данную деталь. - В городе траур?

- Скорее, в самом храме, - с грустью ответил торговец. - Вчера одна девушка прыгнула с самого верха. - Он устремил взгляд на башню. - Ей не было еще и семнадцати лет.

- Известно, почему она так поступила? - хмурясь, спросил Ренцо.

Торговец кивнул.

- Она была рабыней. Хозяин обратил внимание на ее красоту, ну и... - Он замолчал, дескать, сами все понимаете. - Нет, он, конечно, был в своем праве, - понизив голос, продолжил торговец, обращаясь исключительно к галлиндийцам, - но я, признаться, не одобряю такого поведения. Жестокость по отношению к рабам к добру не приведет, не зря в некоторых городах за нее стали наказывать по закону. - Он опасливо покосился на наших арканзийских спутников, после чего более нейтральным тоном закончил: - Вот потому и траур.

От услышанной истории мне стало основательно не по себе. На глаза даже навернулись слезы - так живо я представила эмоции, испытанные совершенно незнакомой девушкой в последние минуты ее жизни. Никогда прежде я не замечала за собой такой сентиментальности. Но, видимо, слишком легко оказалось сейчас отождествить себя с той неизвестной рабыней. Я медленно подняла взгляд и замороженно посмотрела на открытую со всех сторон площадку.

Вот оно, идеальное решение. И как только это сразу не пришло мне в голову? Главное - получить возможность подняться на такую башню, но, раз туда пускают рабов, это должно удалиться и мне.

Меж тем торговец объяснил нам, как проехать на постоянный двор. Оказалось, что именно на его территории находился привлекший наше внимание храм.

Постоялый двор предназначался, в частности, для знатных господ и, кроме всего прочего, обеспечивал их возможностью вознести свои молитвы, не выходя для этой цели на улицу. Судьба определенно была ко мне благосклонна.

Рабов, разумеется, селили отдельно от их хозяев. Господа с комфортом отдыхали в комнатах второго и третьего этажей, все их распоряжения выполняли местные слуги. Рабов же устраивали на первом этаже, где для них были отведены две комнаты – одна для мужчин, другая для женщин.

В то время как господ и их свободных слуг сопровождал наверх хозяин двора, нас препоручили здешнему надсмотрщику. Тот сразу же повел нас в предназначенные для рабов помещения. Сначала завел Берка и Юркмеца в спальню, отведенную для мужчин. Я успела мельком заглянуть туда через распахнутую дверь. Просторное помещение, главным образом заполненное лежащими на полу матрасами. Они были разложены в несколько рядов; некоторые пустовали, на других сидели или лежали рабы, а рядом валялись мешки с их скудными пожитками. Дверь за новичками закрылась и была заперта, после чего мы направились к точно такой же комнате, только женской.

В течение всего этого непродолжительного пути я приглядывалась к здешнему надсмотрщику. Вел он себя вполне корректно, даже вежливо, а у него на шее висел небольшой камень с вырезанным на нем изображением дерева – религиозный символ. Стало быть, человек он набожный. И я решилась.

– Скажите, господин, – робко произнесла я, держа глаза долу. Язык с трудом слушался, голос звучал хрипло, так я отвыкла разговаривать. – Дозволено ли рабам возносить молитвы в храме?

Надсмотрщик посмотрел на меня с интересом и, кажется, благосклонно.

– Конечно, – заверил он. – Перед Господом все люди равны, и каждый из них имеет право помолиться Ему под куполом или под небом.

Это было традиционное выражение. «Под куполом» означало в основном здании храма. «Под небом» – в башне, на приближенной к небесам площадке.

– Это непреложный закон веры, – наставительно добавил надсмотрщик.

– В таком случае могу ли я вознести свои молитвы под небом прямо сейчас, прежде чем отдохнуть после путешествия?

Я добавила взгляду робкой надежды.

– Конечно, дитя мое, – умилился надсмотрщик. – Можешь оставить свои вещи на спальном месте и пройти со мной.

Так я и поступила. Не выходя на улицу, мы прошли в башню по внутреннему коридору и остановились возле винтовой лестницы. Здесь караулили двое – смотритель и смотрительница.

– Рабыня хочет подняться и вознести свои молитвы, – известил их надсмотрщик.

У тех не возникло ни малейших вопросов: сообщение было воспринято как должное. Смотрительница коротко меня обыскала, дабы убедиться, что я не пронесу наверх оружие. Стандартная процедура в храмах, и, надо сказать, особенно унижительной сейчас, когда я проходила ее в статусе рабыни, она мне не показалась. Затем меня пропустили к лестнице.

– Когда ты спустишься, – произнес напоследок надсмотрщик, – один из служащих укажет тебе дорогу в комнату.

«Служащих, как же! – подумала я. – Скорее уж стражников». Впрочем, это уже было неважно. Возвращаться я не собиралась.

Ступенек оказалось много. Я не считала, но думаю, что все сто, а может, и больше. Добравшись до верха, я подошла к каменному ограждению и остановилась, чтобы отдышаться. Перила заканчивались на уровне моей талии. Случайно упасть – очень маловероятно, а вот сброситься намеренно – вполне реально.

Все еще пытаюсь восстановить дыхание, я посмотрела вниз. Голова сразу же начала кружиться. Высоко. Я инстинктивно отпрянула от ограждения, но сразу заставила себя вернуться. И снова посмотрела вниз. Купол храма, двор, переплетение городских улиц. Движущиеся по ним люди кажутся маленькими. Вон кто-то поехал на джамале... Я зажмурилась. Прыгать резко расхотелось. Эх,

нечего было останавливаться, чтобы отдышаться! Право слово, какой в этом смысл, если все равно собираешься покончить с собой? А теперь, когда я успела постоять, оглядеться и задуматься, стало жутко.

Соберись, Сандра! Возьми себя в руки! Ты не можешь отступить! Может быть, это твой последний шанс сохранить человеческое достоинство! Или ты хочешь дожидаться, пока тебя приволокут в армон, и там Данте станет «укрощать» тебя при помощи «имеющихся у него средств»? Докажи, что ты – не вещь, а живой человек и тебя невозможно лишить права выбора, хотя бы такого.

– Страшно?

Я вздрогнула при звуках этого голоса и обернулась. Данте стоял возле лестничного проема. Я прижалась спиной к ограждению, вцепившись обеими руками в перила.

– Ты ведь знаешь наш язык, – произнес между тем Данте, и это не было вопросом. – Не притворяйся, что не понимаешь.

Его слова немного сбили меня с толку, но я быстро рассудила, что лгать больше не имеет смысла. Я все равно сброшусь вниз, так какая разница, признаюсь ли сейчас в обмане? И я заговорила.

– Как ты узнал?

– Сначала просто догадывался. Но сегодня, когда тот парень рассказал историю покончившей с собой рабыни. Ты смотрела на башню с таким вожделением, словно здесь поселился мужчина твоей мечты. Так что у меня не осталось ни малейших сомнений в том, куда ты первым делом отправишься.

Он сделал шаг в мою сторону.

– Не подходи! – крикнула я. – Я все равно прыгну.

И полуобернулась к перилам, не намеренная позволить ему приблизиться.

– Хорошо, хорошо. – Данте замер на месте и вытянул руку ладонью вперед. – Я не стану подходить. Но ты ведь и сама не хочешь прыгать, верно? Все-таки это очень страшно – вот так взять и одним движением закончить все.

Его голос звучал спокойно, почти расслабленно, только глаза смотрели напряженно и словно испытывающе.

– Страшно, – без тени смущения согласилась я, глядя на него с вызовом. – И той девушке вчера тоже было страшно. И все-таки она прыгнула.

– Не равняйся на совершенно незнакомого человека, – поморщился Данте. – Откуда ты знаешь, есть ли между тобой и той девицей хоть что-нибудь общее?

– О, общего между нами более чем достаточно! – с горькой усмешкой заверила я.

– Разве я хоть чем-нибудь тебя обидел?

Я криво усмехнулась. Вы только посмотрите на него: сама невинность!

– Нет. Конечно же нет! – саркастично ответила я. – Ну разве что самую малость. Например, велел привязать меня к столбу, как дворовую собаку.

– Тут ты сама виновата, – не принял упрек Данте. – Зачем пыталась бежать?

– Затем, что я – не вещь, а живой человек, – зло отрезала я. – И потому считаю себя вправе идти туда, куда захочу.

– В данном случае – на свидание с ядовитыми змеями? – Теперь сарказм прозвучал в голосе Данте.

– Даже если и так, – продолжила я стоять на своем.

– Ты не могла бы придумать более убедительный аргумент? – поморщился он. – Впрочем, давай я тебе подскажу. На самом деле ты не можешь простить мне того, что я тебя купил, верно?

– Ладно. – Я грустно усмехнулась и как-то разом сбавила тон. – В том числе и это. Но самое главное: ты уже дважды помешал мне умереть. И сейчас пытаешься сделать это в третий раз.

– Понимаю, – кивнул Данте, и, как ни странно, на сей раз в его словах сарказма не было. – Это убедительный повод для ненависти. – Он немного помолчал, вглядываясь мне в глаза, что было непросто, учитывая разделявшее нас расстояние. – Сандра, а почему ты так сильно хочешь умереть? – спросил он затем.

– Смеешься? – скривила губы я. Уж больно очевидным казался ответ.

– Даже и не думал.

– Да потому, – в запале эмоций я даже отпустила перила и сделала шаг в его сторону, – что кучка бандитов, с которой сотрудничает весь ваш юг, ворвалась в мою жизнь и лишила всего, что у меня было. У меня не осталось ни дома, ни родины, ни друзей, ни приятелей, ни работы, ни привычных вещей. Даже любимых платьев и – представь себе такую мелочь – коллекции статуэток из малахита. Меня разом лишили всех прав – как заработанных кровью и потом, так и причитающихся просто по праву рождения человеком. Из всего, чем я обладала совсем недавно, осталось лишь одно – человеческое достоинство. Меня и этого стремятся лишить. Но это – то единственное, чего я никому не позволю сделать.

Гордо вскинув голову, я была готова ответить на любую его реакцию – недовольство, презрение, смех или вполне логичное заявление, что теперь я – его собственность и обязана ему подчиняться. Но Данте лишь как-то вяло усмехнулся и почти одобрительно склонил голову.

– И снова убедительно, – заметил он. – Продолжай. Еще немного – и ты, пожалуй, меня самого уговоришь прыгнуть вниз. Знаешь, как в знаменитой истории о самоубийстве дон Луиса. Не слышала?

Я мотнула головой, совершенно сбита с толку. Какой еще дон Луис? С какой стати меня должна интересовать чья бы то ни было история в тот момент, когда я собираюсь с силами, чтобы спрыгнуть с башни на мостовую?

– Дон Луис покончил с собой, – принялся рассказывать Данте, будто я его об этом попросила. – Велось дознание, при каких обстоятельствах это произошло, и в ходе этого дознания допросили свидетеля. Тот рассказал, что дон Луис шел через мост и вдруг увидел человека, собиравшегося броситься в бурную реку. «Стойте! – окликнул он самоубийцу. – Не делайте этого! Давайте просто спокойно поговорим. Уверен, мне удастся убедить вас, что существует другой выход». Они разговаривали десять минут. Потом, взявшись за руки, прыгнули в воду.

– Хочешь сказать, тебе самому доводилось когда-то задумываться о самоубийстве? – с ярко выраженным недоверием в голосе осведомилась я.

– Доводилось, – подтвердил он.

– И что же тебе помешало? Страх?

– И страх тоже. Но главное – ответственность. Я знал, что есть люди, за которых я несу ответ.

– Ну, а вот я теперь ни за что не отвечаю, – отвергла аргумент я.

И только тут заметила, что он уже приблизился ко мне на несколько шагов – когда только успел? – и теперь вытягивает руку в мою сторону.

– Не смей ко мне прикасаться! – крикнула я и метнулась обратно к перилам. – Отойди!

– Хорошо, – подчеркнуто спокойно сказал Данте и покорно отступил на пару шагов. – Сандра, скажи, откуда ты родом? – резко сменил тему он.

Так резко, что в очередной раз сбил меня с толку. Под шквалом охвативших меня сейчас эмоций работать головой, просчитывая его действия, было чрезвычайно сложно.

– Из Астароли, – все-таки ответила я.

– Астароль, – задумчиво повторил Данте. – Никогда там не бывал, но слышал. Говорят, в тех краях растут необычайно высокие сосны. А климат очень холодный.

Нормальный там климат, – огрызнулась я. – Такой, какой должен быть, без этой вашей удушающей жары. А сосны – да, растут. Там необыкновенные сосновые боры и кедровые леса. А еще реки – это настоящие реки, а не то убожество, которое вы так называете здесь.

– А чем ты там занималась? – продолжил расспрашивать он.

Я невесело усмехнулась.

– А тебе очень хочется это знать? Что ж, ладно, пожалуйста. – Мне даже хотелось произнести это в последний раз. – Сандра Эстоуни, специалист по теоретической магии, автор диссертации на тему «Свойства магических амулетов», сотрудничала в качестве консультанта с тремя музеями и периодически вела семинары в двух столичных университетах.

Данте впечатленно присвистнул.

– Что, доволен? – враждебно спросила я. – Рабыни с высшим образованием стоят дороже? Может, теперь ты даже не страдаешь из-за того, что потратил на меня целых шестьдесят динаров?

– Я не страдал из-за этого с самого начала, – отозвался Данте.

– Неужто такая полезная покупка? – съязвила я.

– Просто я сразу понял, что в итоге эта покупка обойдется мне куда дороже, – не остался в долгу он. – Ладно, Сандра, давай без глупостей. – Он вдруг словно решил и сделал шаг в мою сторону. Я сжала зубы и судорожно вцепилась в перила. – Отойди от края. Ничего плохого с тобой не случится, даю тебе слово.

Слово? – фыркнула я. И, глядя вверх, проговорила нараспев, словно зачитывала наизусть отрывок из книги: – «Я сам сумею укротить собственную рабыню. Но я намерен заняться этим после того, как возвращусь в свой армон. Там у меня

будут для этого все средства». – Коротко ухмыльнувшись, я с той же интонацией продолжила: – «Твой раб посягнул на мою собственность. Собственность, которой даже я сам еще не успел воспользоваться». – Я особенно выделила слово «еще».

Я могла бы продолжать, но Данте меня остановил.

– А ты умеешь слушать, – усмехнулся он. – И пользоваться тем, что другие думают, будто ты их не понимаешь. Это очень хитро. Я бы даже сказал, по-южному.

– Хочешь меня оскорбить? – вскинулась я.

– Чем? – удивился Данте.

– Ненавижу юг, – процедила я сквозь зубы. – И не желаю иметь с ним ничего общего.

– Много ты юга-то видела? – фыркнул Данте. Кажется, мои слова его задели. – К тому же юг югу рознь. Галлиндия, к примеру, мало общего имеет с Арканзией.

– Не знаю, для меня вы все на одно лицо, – пробурчала я, отлично зная, что лгу. А также осознавая, насколько мои слова невежливы и недопустимы не то что для обращения рабыни к хозяину, но и вообще для нормального человеческого общения. Но именно так прорывался сейчас наружу мой протест против всей сложившейся ситуации.

– Так-таки все? – проницательно спросил Данте, похоже, на этот раз совершенно не обидевшись, тем более не разозлившись. Словно отлично разгадал и мою ложь, и ее причину. – Даже Ренцо и Илкер?

В ответ на столь конкретный вопрос лгать не хотелось.

– Нет, Ренцо и Илкер не на одно, – призналась я.

– Ну, вот видишь. Скажи, Сандра, – прищурился Данте, – что ты думаешь об Илкере?

– Сказать тебе правду? – осведомилась я.

В данном случае лгать я точно не собиралась.

– Только правду, – усмехнулся он.

Пожалуйста. – В моем голосе звучал вызов. Хочешь правду? Ладно, сейчас ты ее получишь. – Илкер себе на уме. Он хитер, лжив и опасен. Весьма неглуп, но чрезвычайно самодоволен, а это несколько мешает трезвости ума. Он из тех, про кого говорят: «Мягко стелет, да жестко спать». Может часами рассыпаться в дежурных комплиментах и изысканных похвалах, а потом с легкостью воткнуть нож в спину. Но не просто ради удовольствия – он не настолько жесток, – а если это будет выгодно ему или тому, кому он подчиняется. Селим-паше, если не ошибаюсь.

Данте слушал мои слова с улыбкой, а под конец и вовсе рассмеялся.

– Однако же ты умеешь составлять психологические портреты! – отметил он. – Пожалуй, я не рискнул бы попросить тебя рассказать, что ты думаешь обо мне самом. Уж слишком точно у тебя выходит. Но если ты за такой короткий срок так хорошо разобралась в характере Илкер-бея, – Данте снова посерьезнел, – почему принимаешь за чистую монету то, что я говорил ему? Полагаешь, я стану откровенничать с человеком, который, как ты верно заметила, может в любую минуту вонзить между лопатками нож, стоит только подставить ему для этого спину?

Я удивленно заморгала. Отчего-то не ожидала, что мои слова настолько попадут в цель.

– Ну не тебе же, – протянула я.

– Отчего ты так решила? – удивился он. – При нынешних обстоятельствах – именно мне, стоит мне дать малейшую слабину хоть в каком-нибудь отношении. Так что каждое мое слово выверено и тщательно продумано. И, прости, в расчете не на притворяющихся глухонемыми девушек, а именно на Илкер-бея.

Я молчала. Потому что не знала, что говорить и чему верить. Говорил ли он правду Илкеру тогда или мне сейчас – или и вовсе лгал в обоих случаях? Откуда мне знать? В сущности, я почти незнакома с этим человеком, к берегам которого меня внезапно прибило всепокрушающей волной судьбы.

Мощный порыв ветра, и без того весьма сильного на такой высоте, пронесся по площадке, растрепав мои волосы. Они попали на лицо, и я на миг отвернулась, чтобы убрать пряди за уши. А когда повернулась обратно, Данте уже стоял совсем рядом. Каким-то образом он умудрился пересечь разделявшее нас расстояние совершенно бесшумно. Или я просто не услышала его из-за ветра?

Я вздрогнула, но на сей раз уже не стала кричать, чтобы он не смел приближаться.

– Отпусти перила и пойдем отсюда, – мягко сказал он. – Повторяю: ничего плохого с тобой не случится.

Я смотрела на него исподлобья, по-прежнему ни на что не решаясь. Я знала: он просто-напросто пользуется тем, что я дико устала и совершенно запуталась. Но ничего не могла с собой поделаться.

– Если бы я тебя купил, чтобы повысить свой статус, или относился как к вещи, то уж точно не стал бы очертя голову бежать за тобой за периметр красных камней, – добавил Данте, видя мои сомнения и словно пытаюсь загипнотизировать. – Отлично зная, чем это чревато.

И я сдалась. Со вздохом отступила от перил. И, опустив голову, позволила подвести себя к лестничному проему.

Но на ступеньку шагнуть не успела, поскольку нам навстречу как раз поднимался Илкер. Я услышала, как Данте почти бесшумно выругался у меня за спиной.

– Ты решил вознести молитву богу, дон Эльванди? – дружелюбно улыбаясь, спросил Илкер.

Тяжело дыша, он вынес свое немаленькое тело на площадку и с удовольствием подставил лицо прохладному ветру. Следом за ним в проеме возникла фигура бессменного телохранителя.

– Именно так, досточтимый Илкер-бей, – вежливым тоном ответил Данте. – Полагаю, и ты пришел сюда с той же целью?

О да, – подтвердил Илкер. – У нас в Арканзии принято возносить свои молитвы всякий раз, как мы добираемся до обжитых мест после путешествия по пустыне. В знак благодарности за то, что нам удалось пронести свои жизни через мертвые пески.

– Ну что ж, не буду тебе мешать. Мы уходим и предоставим тебе возможность молиться в тишине и спокойствии.

Данте произнес эти слова таким тоном, словно буквально горел желанием оказать своему спутнику услугу. А вовсе не собирался уйти отсюда в любом случае.

Мы стали медленно спускаться. Сначала я, потом Данте. Не потому, конечно, что он галантно пропустил меня вперед как женщину. Просто хотел быть уверен в том, что мне не взбредет в голову метнуться наверх и все-таки перелезть через перила. Напрасная предосторожность: в данный момент я была слишком измотана, чтобы решиться на такой шаг. «Ничего плохого с тобой не случится». Интересно, что это означает? Если, конечно, он вообще говорит правду. Видимо, то, что со мной не обойдутся как с той шестнадцатилетней девочкой. И не станут пороть плетью, если, конечно, я не совершу чего-нибудь совсем уж из ряда вон выходящего. Не заставят голодать. И даже тяжелой работой не будут загружать сверх меры.

«Ничего плохого»... Действительно, чего еще может желать рабыня? Самореализации? Комфорта? Личного пространства? Уважения? Свободы? Вот еще, глупости какие!

«Ничего плохого». Все-таки надо было прыгать. А раз не решилась, значит, туда мне и дорога.

Данте время от времени поглядывал вверх и разговоров со мной во время спуска не заводил. Когда лестница закончилась, нас без вопросов пропустили. Смотритель возвратил Данте его оружие, после чего мы вместе пошли дальше. Поскольку рабыня сопровождала своего господина, задерживать ее никто не стал.

Мы прошли обратно по коридору, связывавшему храм с постоянным двором. Затем, вместо того чтобы продолжить идти прямо, повернули налево. При этом Данте продолжал пропускать меня вперед, явно давая понять, что мы идем вместе. Я остановилась.

– Меня поселили вон там.

Я указала рукой в обратную сторону – туда, откуда мы только что свернули.

– Я знаю, – невозмутимо сказал Данте и продолжил идти, как шел, ничуть не смущенный такой ошибкой.

Или не ошибкой? Куда в таком случае меня ведут?

Когда мы стали подниматься по парадной лестнице, все стало очевидно. Второй этаж, длинный коридор. Мы прошли по устланному мягким ковром полу.

– Имей в виду, – тихо шепнул на ходу Данте, – вероятнее всего, каждое слово, произносимое в моей комнате, прослушивается. Так что – ничего лишнего.

Неведомо откуда возникший слуга почтительно распахнул нужную дверь и склонился перед Данте так низко, что мне разом припомнился служащий таверны в Остане. Вполне предсказуемо, что у этого парня позвоночник тоже не сломался. Напротив, с легкостью распрямив спину, он весьма бодро проводил нас в комнату и подобострастно осведомился, будут ли у господина какие-нибудь пожелания. Мое присутствие его, кажется, несколько не удивило. Впрочем, и правда: что тут особенного, если хозяин намеревается провести ночь – или менее продолжительное время – со своей рабыней?

– Моя ванна готова? – холодным тоном господина, разговаривающего со слугой, спросил Данте.

– Да, мой господин, – снова раболепно поклонился слуга. – Горячая ванна ждет вас.

«Любопытно», – подумалось мне. Вообще-то, насколько я знала, на юге, в отличие от севера, не слишком жаловали ванны. Здесь предпочитали бани, обладавшие каким-то особенным местным колоритом. Сама я весьма отдаленно представляла себе, как выглядят эти самые бани. Так или иначе, видимо, на постоянных дворах приходилось ограничиваться более скромным способом мытья. Но лучше, чем ничего. Наверняка и ванны были доступны лишь самым знатным и почетным постояльцам. И уж точно не рабам. Тем предоставляли для мытья одно ведро воды и пару тазов на всю комнату, это я заметить успела.

– Хорошо, – милостиво кивнул Данте. Холодный и отстраненный. Глыба льда, как и тогда, в начале нашего знакомства. Да и на протяжении большей части совместного пути. Маска? Или маска была там, на обдуваемой ветром площадке? – Позаботься о том, чтобы сюда принесли еще один матрас.

Слуга с удивлением оглядел кровать.

– Матрас? – уточнил он.

– Именно. – Теперь в голосе Данте сквозило раздражение. – Матрас. И пусть положат его вот здесь. – Он указал на свободное место на полу ближе к двери. – Не думаешь же ты, что я собираюсь пускать в свою постель грязную рабыню?

Я сжалась при этих словах, хотя хорошо понимала, что вероятнее всего это все та же игра, рассчитанная на посторонние уши, каковых здесь, по-видимому, предостаточно. И все равно от такого обращения становилось не по себе, тем более что в словах Данте было много крайне неприятной правды. Страшно даже подумать о том, как долго я как следует не мылась. И это учитывая сначала плавание в битком набитом трюме, а потом путешествие по дикой жаре. От меня пахло потом, моя одежда пришла в плачевное состояние, я не меняла ее уже не знаю даже сколько дней. Немытые волосы висели космами, ведь за неимением щетки я все это время расчесывала их только при помощи пальцев.

Обогнув кровать, я отошла к окну, прижимая ладони к пылающим щекам. Слуга ушел, и Данте запер за ним дверь.

– Иди. – Он кивнул в сторону смежной комнатки. – Тебя ждет ванна.

– А... ты? – удивленно спросила я.

– Пошел бы с тобой, да, боюсь, вдвоем не поместимся, – фыркнул Данте. – Давай, давай.

И пару раз нетерпеливо махнул рукой в сторону ванной – мол, сколько тебе можно объяснять.

Пожав плечами, я поплелась в ванную комнату. Выходит, меня все-таки хотят «отмыть». Вопрос лишь в одном: это просто такая забота или хозяин все-таки вознамерился воспользоваться рабыней «по назначению»? И именно для этого меня сюда привел? В сущности, а для чего еще было приводить рабыню к себе в комнату?

Чувство протеста хотело было разыграть во мне с прежней силой, но ударилось лбом о непробиваемую стену усталости, отступило и махнуло на все рукой. А уж когда я своими глазами увидела ванну и поднимающийся над горячей водой пар, никаких сил на сопротивление и вовсе не осталось. Слишком велико было желание погрузиться в эту самую воду. Тем более что рядом обнаружили и мочалка, и моющие средства, и несколько мягких полотенец.

Надо отметить, что ванна здесь была весьма своеобразной. Сразу видно, что этот предмет в целом на юге не в ходу, так что его создатели не слишком озаботились комфортабельностью и дизайном. Больше всего ванна напоминала бочку. Внутри располагалась перекладина, призванная выполнять функцию скамейки: на нее можно было сесть. То есть ванну здесь принимали не лежа, как у нас, а сидя. Вода при этом доходила человеку либо до груди, либо до шеи – тут уж все зависело от роста.

Я осторожно покосилась на дверь. Вернулась, плотно ее закрыла. Никакого засова не обнаружила. Увы, возможность запереться изнутри здесь не предусматривалась. Раздеваться было как-то страшновато. Может, искупаться прямо как есть, в одежде? Заодно и платье постираю. Я поморщилась. Глупо, конечно. Ладно, рисковать так рисковать. В конце концов, Данте все равно, если захочет, сделает со мной все что угодно. Решившись, я скинула одежду и, оставив ее прямо на полу, влезла в ванну.

Боже, какое блаженство... Я прикрыла глаза, позволяя себе расслабиться впервые за две недели. Потом дотянулась до мочалки и принялась тереть ею свою многострадальную кожу. Затем взялась за волосы. Потом снова расслабилась, просто откинула голову назад, прикрыла глаза... и вскоре задремала.

Не знаю, как долго я спала, но разбудил меня стук в дверь и довольно громкий голос Данте:

- Сандра! Ты собираешься провести там всю ночь?

Я трянула головой. По телу пробежала дрожь. Кратковременный вечерний сон в сочетании с резким пробуждением не слишком хорошо сказался на нервной системе. Я поспешила выбраться из воды и потянулась к своей одежде. Да, надевать на себя ТАКОЕ, да еще и сразу после ванны, было просто кошунством. Немного подумав, я решилась и закуталась в два сухих полотенца; одежду же оставила, где была. Ума не приложу, что делать завтра: не в полотенцах же выезжать в путь. Видимо, придется собраться с духом и все-таки влезть в эти обноски.

Искушать судьбу, дожидаясь, пока Данте сам ворвется в ванную комнату, раздраженный моей неторопливостью, не хотелось. Поэтому, откинув назад мокрые волосы и убедившись в том, что полотенца держатся на теле хорошо, я вышла.

Данте лежал на матрасе, уже скинув с себя часть одежды. И правда не хочет пускать рабыню в свою кровать, даже после того, как она приняла ванну? Я напряженно остановилась поблизости, лихорадочно прикидывая, как себя вести. Для начала мрачно на него посмотрела, взглядом давая понять: ты занял мое место.

- Ложись, - призывно произнес он, указывая при этом на кровать.

Я выпучила глаза.

- А.

– Я не люблю, когда слишком много разговаривают, – громко и достаточно жестко сказал Данте, многозначительно кивая головой в сторону двери. Действительно считает, что каждое слово могут подслушивать? – Как там говорят у вас на севере? «Молчание – золото»?

– «Слово – серебро, молчание – золото», – автоматически поправила я.

– Тоже неплохо, – кивнул он. – Отчего-то северные пословицы всегда нравились мне больше южных.

И снова указал мне на кровать все тем же небрежным жестом: дескать, ты все уже поняла, так что до сих пор здесь делаешь?

Стола в комнате не было, но на полу, точнее на ковре, в одном месте были составлены подносы с различными закусками. Тарелку с некоторыми из них я обнаружила и у себя на кровати.

Удивляться я уже устала, бояться, злиться и каждую минуту ожидать подвоха тоже. Поэтому, мысленно плюнув на все на свете, просто поела, забралась под одеяло и уснула.

Глава 4

Проснулась я глубокой ночью. Судя по заглядывавшей в окошко луне, до рассвета все еще было далеко, и тем не менее я чувствовала себя вполне выспавшейся. Сев на постели, оглядела комнату и с удивлением обнаружила, что Данте и не думал спать. Он полулежал на матрасе и читал какую-то книгу в свете двух свечей, горевших в стоявшем на полу канделябре.

Я нахмурилась. Что это ему не спится? После долгого пути такое бодрствование казалось несколько странным.

Данте на секунду поднял глаза, чтобы глянуть в мою сторону, после чего продолжил читать, видимо, решив, что я сейчас снова усну, повернувшись на другой бок. Собственно говоря, я именно так и попыталась поступить. Но, как ни

странно, спать уже не хотелось. Вероятно, две не слишком продолжительных дремы – в ванне и в кровати – перебили сон. А может быть, события последнего дня попросту слишком взбудоражили нервную систему.

Я тихонько села на кровати и снова посмотрела на Данте. Он продолжал читать. Пламя свечей создавало игру света и тени на его лице. Я в очередной раз удивилась, вдруг отметив, что, кажется, уже почти не боюсь этого человека. Хотя, в сущности, не так уж это было и странно. Если бы он хотел причинить мне зло, уже много раз мог бы это сделать. Нет, можно было, конечно, предположить, что сейчас он просто втирается ко мне в доверие, лелея далеко идущие страшные планы. Но, право слово, ради чего такие сложности? Если бы я была значимой персоной – тогда конечно. Но менее значимую персону, чем я, сейчас, увы, трудно было представить.

Я хотела заговорить с ним, но вовремя вспомнила, что этого делать нельзя, раз он опасается подслушивания. Интересно, что это: паранойя или адекватная оценка ситуации? Поскольку я успела немного узнать Илкера, не удивлюсь, если последнее.

Повернув голову в сторону окна, я вдруг обнаружила совсем рядом с кроватью белые листы бумаги и пишущие принадлежности, видимо, любезно предоставляемые знатным постояльцам. Немного поколебавшись, я взяла в руки лист. Он оказался непривычным на ощупь, каким-то шершавым. Вспомнилась литература о том, из чего в разных странах производят бумагу. Порой из совершенно невообразимых материалов, сильно отличающихся от древесины. Например, из слоновьего навоза. Уж не в Арканзии ли? С деревьями здесь плохо, так что вполне может оказаться что-нибудь подобное. «Правда, слоны здесь не водятся», – с чувством облегчения припомнила я. И тут же приглушила излишний оптимизм: слонов здесь, может, и нет, а вот навоз всегда найдется.

Отмахнувшись от глупых мыслей, я совершила еще большую глупость и принялась водить пером по бумаге. «Почему ты не спишь?» – написала я по-арканзийски. Затем, вспомнив студенческие годы, сложила лист «птичкой» и, прицелившись, отправила в полет. Как и предполагалось, послание приземлилось прямо на раскрытой книге.

Данте удивленно поднял брови, покосился на меня, оглядел своеобразно сложенный лист и лишь после этого его развернул. Дотянулся до своих вещей, среди которых тоже нашлось перо, и что-то написал все на том же листе. После

чего, сложив последний прежним способом, переслал его мне обратно.

Я развернула бумагу. Под моим вопросом совсем иным почерком было написано: «Бессонница для меня – обычное дело. А ты почему не спишь?»

Я задумалась над ответом. Привычным с тех, прежних, времен движением провела мягкой стороной пера по подбородку – вверх и вниз. «Не знаю», – честно написала я, наконец.

«Птичка» снова отправилась в полет. На этот раз Данте перехватил ее прежде, чем она успела приземлиться. По-моему, не без азарта. Я и сама чувствовала какой-то странный, необъяснимый и нелогичный азарт от столь странного и нелогичного общения. В скором времени «птичка» снова вернулась ко мне.

«Лучше все-таки выпись, – было выведено знакомым теперь почерком. – Завтра снова трудный день».

«Знаю».

Я немного подумала и приписала: «Илкер действительно для тебя опасен?»

Данте тоже задумался, прежде чем коснуться бумаги пером. Возможно, подбирал слова, а может, решал, отвечать мне или не отвечать. Раскрыв вернувшуюся «птичку», я прочитала: «В данный момент – нет. Но может стать опасным». Я кивнула, принимая к сведению.

Как ни странно, именно сейчас, в таком не способствующем расслаблению контексте, мне отчаянно захотелось спать. Я зевнула. «Спокойной ночи!» Бумажный голубь опять перелетел на другой конец комнаты.

«Спокойной ночи! – пришел ответ. – Надеюсь, за оставшееся время тебе не придет в голову свежая идея перерезать мне горло».

Я удивленно вскинула голову. Данте с усмешкой подмигнул мне, и оставалось только гадать, писал ли он в шутку или пытался прикрыть этой усмешкой реальное опасение. А может, он именно поэтому до сих пор не спит, и никакая бессонница тут ни при чем?

«Почему ты оставил меня здесь, если ожидаешь подобного?»

Беззвучный смешок.

«Во-первых, я достаточно хорошо разбираюсь в людях. А во-вторых, как знать, может, я, как и ты, не слишком дорожу жизнью?»

Едва я успела дочитать эти строки, как Данте отложил книгу и одним дуновением затушил свечи, таким образом давая понять, что «разговор» окончен. Теперь темноту комнаты разгонял только бледный свет краешка луны, заглядывавшей в окно, но постепенно исчез и он. Я спустилась пониже, положила голову на подушку и укрылась одеялом. И быстро уснула, так и не успев как следует обдумать смысл последних строк.

На сей раз я проснулась, когда уже рассвело. Проснулась оттого, что Данте довольно беспардонно тормозил меня за плечо.

– Пора вставать, – объявил он, едва я разлепила глаза.

Вот сейчас ощущения, что я выспалась, не было вовсе.

Данте уже был одет и выглядел бодрым и свежим, будто бы и не бодрствовал до середины ночи. Взяв лист бумаги, который мы использовали ночью для переписки (оказывается, я все это время проспала, зажав его в кулаке), Данте аккуратно сжег его в пламени оказавшейся зажженной свечи.

– Можешь пройти в ванную, – заметил он, наблюдая за тем, как пламя стремительно пожирает бумагу. – Мы выезжаем через четверть часа.

Я поспешила воспользоваться его предложением. Правда, полотенца за ночь соскользнули, и мне пришлось провести некоторое время, обматываясь ими под одеялом.

Умывшись, я со смесью сожаления и брезгливости посмотрела на свою одежду, так и лежавшую на полу. Тяжело вздохнула. Надо было постирать ее с вечера, сейчас бы уже успела высохнуть. Но что не сделано, то не сделано. Одеваться в грязные, потные, рваные обноски не хотелось так, что хоть плачь. Но – надо,

никуда не деться. Не в полотенцах же залезать на джамалю. Не говоря уж о том, что кожа в этом случае сгорит моментально.

Мое внимание привлек осторожный стук в дверь, выходящую из комнаты Данте в коридор. Я прислушалась и даже из любопытства слегка высунулась из-за дверцы ванной. Данте открыл. В комнату вошел вчерашний слуга. В очередной раз поклонился, подобострастно осведомился, как спалось господину. Господин ответил, что хорошо, тоном, недвусмысленно намекавшим, что пора переходить к делу.

– Вот, господин, – произнес слуга. – Платье для рабыни, как вы вчера и приказали.

Уже не знаю, в который раз за последние сутки я удивленно выпучила глаза. Платье? Для меня? И когда он успел отдать такой приказ? Должно быть, вчера вечером, пока я дремала в ванной.

Понимая, что облачаться в старую одежду уже не придется, я снова как следует закуталась в полотенца и вышла из ванной. Мое новое платье лежало на матрасе.

– Вот, – кивнул на него Данте. – Держи. Оно лучше подойдет для путешествия по пустыне.

О плачевном состоянии, в которое пришла моя собственная одежда, он деликатно умолчал.

Забрав платье, я снова удалилась в ванную, чтобы выйти оттуда уже прилично одетой. Прилично и непривычно, но тут уж грех жаловаться. Платье с широкой юбкой, длинными рукавами и высоким воротом действительно идеально подходило для предстоящей поездки. Оно было трехцветным и сочетало черный, зеленый и оранжевый, хотя, на мой взгляд, последний цвет был здесь совершенно лишним. На ткани – типичный южный узор из витиеватых линий.

Я бросила последний взгляд на свою старую одежду, которой предстояло остаться здесь, на постоялом дворе, в качестве мусора. Чувство брезгливости резко ушло, сердце сжалось от ностальгии. Я еще не ушла, но уже тосковала по этим вещам. Ведь это было единственное, что я привезла с собой из Астароли.

Одна из последних ниточек, связывавших меня с прошлой жизнью. И, кстати сказать, когда-то это было хорошее платье. Я даже помню, в какой лавке его покупала.

На глаза навернулись слезы, и я поспешила выйти из ванной.

В коридоре нас уже подждал Ренцо, а пару минут спустя из комнаты напротив вышел, приветственно улыбаясь, Илкер, снова сопровождаемый телохранителем. «Похоже, эти двое и спят вместе», – подумала я с мысленной усмешкой. Как выяснилось, я была не так уж далека от истины: Илкер занял покои, состоявшие из двух смежных комнат, и телохранитель, никогда не отходивший далеко от своего господина, ночевал в соседней спальне.

Разумеется, тот факт, что я вышла вместе с Данте из его покоев, не остался незамеченным. Ренцо лишь многозначительно взглянул на друга, а вот Илкер не счел нужным воздерживаться от комментария. Деликатность – как минимум в нашем, северном, понимании – была в Арканзии не в чести.

– Я вижу, ты не терял времени зря, дон Эльванди, – просиял Илкер, одобрительно причмокнув губами. – И то верно: время не для того нам дается, чтобы тратить его впустую.

Ох уж мне эти заумные философствования, в особенности от человека с такими маленькими хитрыми глазками! Лучше бы поучился не лезть не в свое дело. Хотя какое там!

– Да, – подтвердил Данте, по-хозяйски обнимая меня рукой за плечи. – Рабыня провела эту ночь со мной, и теперь она повышена в статусе.

Илкер благосклонно кивнул, принимая данную информацию к сведению и, видимо, считая ее если не само собой разумеющейся, то как минимум вполне логичной.

Я спорить, конечно, не стала, да и вообще не так чтобы была сильно шокирована сложившейся ситуацией. На фоне всего, что мне довелось пережить, это была, в общем-то, ерунда. Пусть думают, что хотят. К тому же Данте, если он прав в

отношении Илкера, поступил весьма умно. Нельзя признаваться таким людям в том, что просто пустил к себе в покои рабыню, чтобы дать ей возможность отдохнуть, принять ванну, наестся и провести ночь в нормальной кровати.

На первом этаже к нам присоединился надсмотрщик с рабами Илкера. Мы вышли во двор, оседлали уже подготовленных джамалей и продолжили путь.

За пределами Бертана тоже простиралась пустыня, но уже немного иная, нежели до сих пор. Здесь был не только один сплошной ковер из горячего песка. Справа и слева возвышались горы, правда, совсем не похожие на те, что были знакомы мне по родным местам. Сравнительно низкие – по высоте я бы, пожалуй, скорее назвала их холмами, – песчаные, голые, с редкими окошками естественных пещер. Их подножие напоминало чьи-то гигантские опустившиеся на землю лапы. На обрамленной горами равнине, по которой мы и ехали, тут и там виднелись пусть чахлые, но все же деревца. Кое-где – сухая трава; стало быть, хоть временами эта равнина зеленела. Высокие, в человеческий рост, кактусы – и вовсе в изобилии. Один раз мы проехали мимо русла высохшего ручья. Но в некоторых местах источники воды по-прежнему встречались, в том числе, вероятно, и под землей, за счет чего хоть какая-то растительность продолжала здесь существовать. Ехали мы, опять же, не всегда по песку, иногда это была скорее почва, правда, сухая и имевшая желтоватый оттенок. В таких местах можно было встретить даже небольшие рощицы, хотя деревья опять-таки были чахлыми, почти без листвы, и особой тени не давали.

На привалах меня перевели в шатер, подтверждая тем самым повышение в статусе. С едой и питьем тоже стало лучше, Ренцо не приходилось теперь передавать мне лишние куски потихоньку, таясь от посторонних глаз. Сложность представляло теперь мое мнимое незнание языка. Раньше оно приносило пользу, теперь же невозможность обменяться с Данте хотя бы парой слов стала восприниматься как досадная помеха. Данте, по-видимому, относился к этому так же. Поэтому в какой-то момент просто взял и заговорил со мной. Я ответила, поняв, что он ожидает от меня именно этого. На удивленное замечание Илкера о том, что рабыня вроде бы не знала арканзийского, у Данте был готов ответ:

– Как оказалось, она изучала арканзийский язык у себя на севере. Когда попала в среду, ей потребовалось время, чтобы освоиться. Теперь она может говорить без особого труда.

Данте посоветовал мне держаться поближе к нему и к Ренцо и подальше от арканзийцев. Это соответствовало моим собственным ощущениям, так что я старалась следовать его совету. Тем не менее удавалось это не всегда. Как-то раз, оказавшись в обществе рабов, я поймала на себе откровенно враждебный взгляд Юркмеца и более спокойный – Берка.

– Повезло девчонке, – заметил последний, обращаясь к своему приятелю.

– Конечно, – скривил губы тот. – У нас ведь нет такой же возможности приблизиться к господину.

– А вы попытайтесь, – не стала отмалчиваться я. Слишком уж долго держала рот на замке. – Господа – они всякие бывают. Может, и вам повезет?

Постепенно я начала делить с ними работы по уходу за джамалиями. Начала со своего, к которому успела привязаться. Я люблю животных, к тому же отчасти чувствовала в джамале такое же бесправное существо, как и я сама. Быстро научившись с ним управляться, я посмотрела-посмотрела на возившегося в тот день с остальными джамалиями Берка... и молча принялась за очередного верблюда. Отношения с Берком быстро улучшились. Нет, мы не стали ни друзьями, ни приятелями, к чему я ни в коем случае и не стремилась; скорее это было своего рода молчаливое соглашение о мирном сосуществовании. Юркмец же был менее воздержан, продолжал злиться и бурчать себе под нос, но ни на что большее не решался.

Как-то раз во время привала, когда с трапезой было покончено и Берк разливал господам сваренный на огне кофе, Илкер задал Данте следующий вопрос:

– Дон Эльванди, скажи, отчего ты до сих пор не женат?

Я сидела позади Данте, ближе к стенке шатра, и потому не видела выражение его лица, однако голос прозвучал, как и обычно, вежливо, но прохладно.

– А отчего тебя заинтересовал этот вопрос, почтенный Илкер-бей?

– О, прости, если я вторгся в излишне приватную тему, – поспешил покаяться Илкер. – Просто у нас в Арканзии жениться принято рано. Ты же, если не ошибаюсь, в скором времени переступишь за грань третьего десятка?

– Через год, – кивнул Данте.

– Вот мне и стало любопытно, идет ли речь о неких культурных различиях между нашими странами, – невинно произнес Илкер.

– Вероятнее всего, именно так, – спокойно подтвердил Данте, отпив немного кофе. – В моей стране мужчины, как правило, не торопятся связывать себя брачными узами.

Ренцо согласно усмехнулся.

– Мы предпочитаем подольше блюсти свою свободу, – заметил он.

– Воистину различия между нашими культурами огромны, – покачал головой Илкер. – В Арканзии юноша не считается полноценным мужчиной до тех пор, пока не обзаведется первой женой. И чем больше у человека жен, тем более солидным он является в глазах общества.

– Каким же считается идеальное число жен? – В голосе Данте мне почудилась насмешка.

– Мужчина может позволить себе иметь столько жен, сколько он способен обеспечить, – важно ответил Илкер. – Ограничений в этом отношении нет, все зависит от его благосостояния. Отчасти именно поэтому число жен – и, конечно же, их качество – является показателем статуса арканзийца.

Я поморщилась, услышав в данном контексте слово «качество». О женах Илкер рассуждал так, словно они были коврами или предметами мебели.

– Три жены – это вполне достойная семья для обеспеченного человека, – продолжал распространяться он.

- Вот как, - хмыкнул Данте, переглянувшись с Ренцо. - А сколько жен у тебя, достопочтенный Илкер-бей?

- Четыре, - с гордостью ответил тот.

- Четыре. - Данте покачал головой, похоже, молчаливо транслируя, что самому ему такого образа жизни не понять. - Что ж, по-видимому, это признак чрезвычайно высокого статуса в твоей стране.

- Именно так, дон Эльванди, - степенно покивал Илкер. - И, кроме того, позволь указать тебе на одну ошибку. Ты и твой друг, - вежливый кивок в сторону Ренцо, - говорили о том, что женитьба лишает мужчину свободы. Позволю себе, на правах человека старшего, заметить, что это вовсе не так. Женитьба не ограничивает свободу мужчины. Самое главное - это правильно воспитывать своих жен и позаботиться о том, чтобы они не позволяли себе лишнего.

- Воспитывать? - уточнил Ренцо. - И как же, например, это делают в Арканзии?

- Строго, - ответил Илкер. - К женщинам непременно следует проявлять строгость, иначе они быстро выходят из-под контроля.

- И все-таки, не могли бы вы привести конкретные примеры? - не отставал Ренцо.

- Полагаю, главное средство - это порка, - поморщился Данте.

Совсем необязательно, - возразил Илкер. - Порка - это крайняя мера, хотя в некоторых случаях необходимая. Но в большинстве ситуаций можно обойтись другими методами. К примеру, купить по подарку всем своим женам и даже наложницам и только провинившуюся обойти вниманием. Это будет не только неприятно само по себе, но и заметно для всего гарема. Станет поводом для слухов, перешептываний, насмешек. Женщины быстро усваивают подобные уроки. Что же касается порки, то мне приходилось применять эту меру лишь дважды.

- Лишь дважды? - неспешно повторил Данте.

Ренцо откровенно скривился. Похоже, мои спутники подобного обращения с женами не одобряли и даже не считали нужным особенно тщательно это скрывать. Впрочем, Илкер то ли не заметил реакцию своих собеседников, то ли просто не подал виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/olga-kuno/gor-kiy-veter-svobody>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)